

Игорь Подгурский



Дмитрий Романтовский

Иду на «ты»



Мало того что реальностей много,
так они еще и злы нереально!

**Игорь Анатольевич Подгурский
Дмитрий Романтовский
Иду на «ты»**
Серия «Отряд коррекции реальности», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Альфа-книга»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159294
Подгурский И.А., Романтовский Д.Ю. Иду на «ты»: Фантастический роман: АРМАДА:
«Издательство Альфа-книга»; СПб.; 2006
ISBN 5-93556-814-4*

Аннотация

Много реальностей в этом мире, но далеко не все из них благосклонны к простому люду. Иная так и норовит выйти из предначертанного русла Истории. Тем более что местная нечисть давно и старательно мутит воду во всех мыслимых и немыслимых пространственно-временных континуумах. И мало того что мутит, так еще и льет эту воду на мельницу вселенского зла.

И что тогда?

А тогда за мечи, наганы и вилы берется элитный отряд коррекции реальностей Комитета Глобальной Безопасности Звездной Руси. Илья Муромец, Николай Кузнецов, Иван Сусанин со товарищи всегда начеку и на страже имперских интересов. Этим лихим парням по зубам самые безнадежные и опасные задания. Как они их выполняют – вопрос отдельный. Но, будьте уверены, реальность непременно получит еще один шанс на исправление. Главное, оказаться в нужном месте и вовремя...

Содержание

СПИСОК	4
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Игорь Подгурский, Дмитрий Романтовский ИДУ НА «ТЫ»

СПИСОК

личного состава отряда коррекции реальности
Комитета Глобальной Безопасности
Демократической Империи Руси

Владимиров Дмитрий Евгеньевич – командир отряда, подполковник.

Маннергейм Карл Густавович – начальник штаба, барон.

Фурманов Дмитрий Андреевич – комиссар отряда.

Киже Евлампий Кажиевич – генерал-майор, заместитель по виртуальности.

Баранов Александр Сергеевич – заместитель по высокому моральному духу (заммор-
дух).

Скуратов Малюта Лукьянович – начальник отдела контрразведки, опричник.

Дзержинский Феликс Эдмундович – внештатный консультант отдела контрразведки.

Батырбек Батыр Бекович – командующий военно-морскими силами, старший батыр¹, бек².

Кузнецов Николай Иванович – врио начальника отдела спецопераций, обер-лейтенант.

Задов Лев Николаевич – сотрудник отдела спецопе-раций.

Сусанин Иван Иванович – сотрудник отдела спец-операций.

Разин Степан Тимофеевич – сотрудник отдела спецопераций.

Нестеров Петр Николаевич – начальник отдела воздухоплавания, штабс-капитан.

Дуров Леонид Владимирович – начальник отдела зооподдержки, директор зверинца.

Щирый Хохел Остапович – начальник отдела тылового обеспечения, прапорщик.

Новгородский Садко Акимович – сотрудник отдела тылового обеспечения.

Ермак Ерофей Павлович – переговорщик отряда.

Шаманов Латын Игаркович – отрядный священник, религиовед.

Муромский Илья Тимофеевич – начальник отрядной заставы, старший богатырь.

Дранников Добрыня Никитич – богатырь.

Попович Алексей Вакулович – младший богатырь.

Филиппов Петр Трофимович – стажер.

¹ Батыр – восточный богатырь.

² Бек – уважительное обращение, мелкое восточное дворянство.

Глава 1

ДВОЕ С КАРУСЕЛИ

Весело скрипнув напоследок, карусель остановилась. Из старенького репродуктора, закрепленного на столбе, вокруг которого вращались деревянные животные, автомобильчики, ракеты и прочий транспорт, послышалась популярная некогда песенка: «Здравствуй, страна героев!..» Первые слова ее, впрочем, прозвучали как-то неуверенно, если не сказать вопросительно. Но затем голос карусели окреп, и оборвался он на вполне жизнеутверждающей ноте.

С карусели по деревянному крылечку, покрытому шелушащейся оранжевой краской, сошли двое. Отличали их уверенный шаг, легкая настороженность и спокойная готовность ко всему одновременно.

Этой готовностью, пожалуй, особенно выделялся высокий, белокурый представительный мужчина плакатной арийской внешности, в новенькой форме пехотного офицера вермахта со знаком тридцати штурмовых атак и двумя новенькими кожаными чемоданами в крепких руках. Слез он с деревянной модели танка «Т-34». Спутник его, чертыхаясь и отдуваясь, в свою очередь сполз с огромного желтого верблюда. Краска на плешивом «корабле пустыни» облупилась. Его пассажир придерживал объемистый солдатский вещмешок. Поверх поклажи был привязан семилитровый чайник.

Слегка замешкавшись – парень в гимнастерке, слезая с верблюда, зацепился за гвоздь и порвал галифе, – они подошли к калитке в разноцветном низеньком частоколе ограды, опоясывающей карусель, и огляделись. С трех сторон песчаный холмик, на котором они стояли, окружало море и маленькая пристань, с четвертой отчетливо выделялась узкая и довольно короткая песчаная коса, вымощенная желтым кирпичом. Дорожка вела к утопающему в зелени острову. За зарослями вдали угадывались аккуратные строения.

– Похоже, нас не ждали, – заметил парень в гимнастерке и галифе, распахивая калитку, опуская поклажу на песок и усаживаясь на стоящую у входа скамейку.

Обер-лейтенант бросил на спутника спокойный взгляд и пожал плечами.

– Петруха, – смущенно представился офицеру его собеседник и уточнил: – Петя Филиппов, стажер.

– Николай. – Обер-лейтенант подсел рядом и достал из платинового, под алюминий, портсигара две сигареты.

– Не курю, – жизнерадостно отозвался Петруха и поинтересовался: – Слышь, дядь Коля, вы как думаете, нам сидеть ждать или того...

– Сказали, слезешь – встретят по прибытии. Так что давайте, юноша, не дергаться, а следовать инструкции.

– Ну мне тоже сказали, что встретят. Не сказали вот только где... Вы как знаете, а я гимнастерку сниму.

Кузнецов смолчал.

– А вы бы китель скинули, не то сопреете. Эх-ха-ха, сейчас бы пивка «Жигулевского»...

Обер-лейтенант снова пожал плечами, но китель все-таки расстегнул.

Минут через сорок бесполезного ожидания Петруха решительно встал, накинул на плечи гимнастерку и, подхватив вещмешок, обернулся к Николаю:

– Пойдем, а?

Обер-лейтенант поправил надвинутую на глаза от солнца фуражку, стрельнул на попутчика голубой эмалью внимательных глаз и неожиданно весело кивнул.

Идти по дорожке было приятно.

Ласковые и тихие волны мягко накатывали на косу почти у самых ног. Ветерок, совсем незаметный на холме, тут был посвежее. До дощатой сторожки на берегу они добрались минут за десять.

Сторожка оказалась довольно хлипкой, с полуото-дранной, покосившейся дверью сбоку и небольшим окошком-бойницей с видом на карусель спереди. Крыша сторожки представляла собой небрежно прибитый рейками по стенам кусок дырявой толи.

Рядом со сторожкой ножками в песок был прочно вкопан широкий дубовый стол с явными следами многократных пиршеств – шрамами от ножей, в подсохших круглых пятнах и подтеках. Рядом стояла пара деревянных скамеек на чугунных ножках. Скамейки были относительно новенькими и явно притащенными сюда из какого-то парка.

– Вещи к осмотру, – грустно посоветовали за спиной. Потом подумали и добавили: – И документы. На стол.

Недавние пассажиры карусели молча взгромодили на стол вещи и только тогда обернулись.

Опираясь руками на тяжелый двуручный меч, стоял так же основательно, как и стол, невысокий, кряжистый бородатый мужчина в вылинявших, перевязанных вервием портах и белой полотняной косоворотке. Голову его украшала широкополая соломенная шляпа.

Был мужик совершенно бос и, по некоторым неуловимым для сознания признакам, слегка нетрезв. Со вздохом вытащил он из песка меч, слегка покачиваясь, но с достоинством подошел к столу и, подмигнув обер-лейтенанту, отрекомендовался:

– Муромский Илья Тимофеевич, старший богатырь. – Затем, отгоняя муху, поморщился и, кивнув куда-то вдаль, небрежно добавил: – Начальник здешней заставы. И этой вот таможни, разумеется. Ферштейн, камрады?

Округливший глаза Петруха оторопело моргнул, обер-лейтенант прищурился, молча кивнул безупречным пробормотом.

Богатырь присел на край стола, извлек из кармана портков измятый, весь в масляных пятнах кусок пергамента, благодушно кивнул и тут же нахмурил брови:

– В соответствии с пояснениями командира отряда к приказу Главка от 14 липня лета 4178 на территорию постоянной дислокации отряда категорически... – С этими словами Илья поднял в небо средний палец левой руки. – Категорически запрещается проносить наркотики, пор... пар... но... граф... хи... че... ску литературу, ишь, чего навыдумали, а также спиртосодержащие жидкости. И далее по тексту. Садитесь.

С этими словами Илья небрежно свернул пергамент в кулек, достал из кармана и швырнул в рот пригоршню тыквенных семечек. Аккуратно сплюнув шелуху в пергаментный кулечек, богатырь внимательно оглядел так и не присевших на лавки карусельщиков и, враз утратив интерес к обер-лейтенанту, остановил лукавый взгляд на Петрухе.

– Спирт, водка? – поинтересовался он, прищулив голубые, как небо, глаза.

– Коньяк, – растерянно, но четко отрапортовал Петруха.

– Грузинский? – насторожился богатырь. Глаза его обрели стальной оттенок.

– Армянский, – с легкой обидой поправил его Петруха и добавил: – «Ахтамар».

– Надо сдать, Петр Трофимович, – твердо посоветовал Илья. – Непорядок. Если комиссар узнает, сам понимаешь. Отчислит, как пить дать. А пить, оно того... вредно.

Петруха понимающе закивал, извлек из чемодана и поставил на стол три бутылки. Илья аккуратно положил на стол кулечек, вытряхнул какой-то мусор из карманов и распищал по ним две бутылки. С некоторым сомнением посмотрел на третью, потом решительно взвалил на плечо меч и со словами «теперь вот акт об уничтожении еще писать» понуро побрел в прибрежные заросли.

Петруха, глядя ему вслед, растерянно и безуспешно пытался закрыть чемодан. На песок высыпались застиранная голубая блуза с трафаретной надписью «Все в ОСОАВИА-ХИМ!», связка тараньки, классер с марками и пионерский горн.

Обер-лейтенант пришел в себя быстрее.

– Илья Тимофеевич! – громко окликнул он богатыря. – Товарищ старший богатырь! Нам-то куда?

Ответа не было.

– Илья Тимофеевич, нам о незаконной попытке провоза коньяка докладывать, или как?

Илья недовольно оглянулся и неспешно почесал в затылке. Хмуро покосился на оставленную им сиротливую бутылку на столе и явно через силу посоветовал:

– Вы это, вот что... Если стаканы есть – до вечера оную того... А пока через рощицу и... Найдете дежурного, доложите о прибытии. Нынче, кроме него, в отряде ни души. Устроит он вас – так валите купаться. Вечером командир с полигона вернется – вызовет на беседу. И не суетитесь, хлопцы.

Богатырь, небрежно и начальственно козырнув, удалился, загребая белый как сахар песок босыми ногами. Петруха принялся собирать рассыпанные под ногами вещи.

– Вы готовы? – обернулся он к обер-лейтенанту минуту спустя.

– Готов, – ответил Николай, разворачивая и разглаживая забытый на столе пергаментный кулечек, вытряхнув из него шелуху семечек.

– Что там написано? – поинтересовался Петруха.

– Ничего, – переворачивая пергамент, ответил обер-лейтенант. – Совсем ничего.

Сразу за рощицей начинался аккуратный, недавно окрашенный невысокий штакетник с узеньким проходом. За штакетником четырем стройными шеренгами на просторной лужайке располагался лагерь: штук двадцать деревянных теремов с резными наличниками и уютными террасками. Один из домиков подозрительно напомнил Филиппову юрту кочевников. Между строениями желтели щедро посыпанные песком ровные дорожки, убегавшие к белокаменным палатам с небольшим плацем перед ними.

Неподалеку виднелся спортгородок с полем для мини-футбола, волейбольной площадкой и городошницей. Вдали, за увитой плющом оградой, стояли две-три постройки; одна из них, судя по запаху, явно была конюшней или зверинцем.

Обер-лейтенант Николай Кузнецов и стажер, рядовой красноармеец Петр Филиппов, остановились перед палатами и переглянулись. Петруха нетерпеливо переступил с ноги на ногу и вдруг пронзительно свистнул. Из открытой настежь дубовой двери послышалось негромкое ворчание, и на пороге под резным козырьком появился патлатый, заспанный парнище в английских бриджах, щеголеватых лакированных сапогах и застиранной тельняшке. Перепоясанный лакированной портупеей, он приветственно махнул гостям браунингом, приглашая подняться по лестнице.

Вновь прибывшие коротко представились.

– Задов, – весело отрекомендовался хозяин. – Можно просто Лева. Дежурный по отряду. Проходите.

Просторная полупустая прихожая узенькой дверцей переходила в довольно широкий коридор, устланный цветастой персидской ковровой дорожкой. По стенам коридора висели плакаты военного, революционного и рекламного-пищевого содержания. Были там еще портреты известных и неуловимо знакомых лиц в военной форме и почему-то расписание графика движения поездов по КВЖД³. В правом нижнем углу расписания черной тушью каллиграфическим почерком было выведено: «От Чан Кайши на добрую память».

³ КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога.

– Значит, так,– остановился Задов у дверцы с лаконичной надписью «дежурная смена».– На этом этаже у нас кабинеты начальства, штабная палата для совещаний, буфет, библиотека и эта, как ее... да, комната психологической разгрузки. Ну и дежурка, разумеется. Вопросы?

Обер-лейтенант явно заинтересовался психоразгрузкой, но, глянув на безмятежного Петруху, промолчал, продемонстрировав щегольски безупречный пробор. Задов одобрительно кивнул и пинком распахнул дверь дежурки. Обстановка ее располагала к покою. Два роскошных дивана стояли вдоль противоположных стен по левую и правую руку от входа. Над занавешенным тюлем небольшим окном висел яркий плакат: «Родина-мать зовет!»

– Это подлинник, товарищи экскурсанты,– прокомментировал любопытствующие взгляды Задов,– самый что ни на есть оригинал.

У окна стоял просторный, практически чистый стол и гнутый венский стул. Еще один столик – с чайным сервизом из гжели, бутербродами, зеленью и бурлящим самоваром – стоял в углу между двумя креслами. В другом углу располагался книжный шкаф. Дополняли вполне домашнюю картину торшер, ковер и чучело лохматого полосатого медведя.

– Трофей. Располагайтесь,– последовательно кивнул Задов на чучело и на диван справа.– Вас Илья встретил?

– Да, на берегу.

– Странно. Он вообще-то сейчас в увольнении со своими парнями. Энергии кот наплакал, так они на Белых песках у шлагбаума околачиваются. Там микроклимат – благодать, и рыбалочка имеется. Имейте в виду. Остальные – на полигоне. Ну-с, ладненько, ребята, докладывать пора.

Задов потрогал самовар, хмыкнул, выбрал одну из тарелочек, плюнул, протер рукавом и присел к столу. Затем, открыв нижний его ящик, достал румяное спелое яблоко и небрежно катнул его по тарелке. Секунд двадцать яблочко, переваливаясь с бока на бок, вяло каталось вдоль васильковой каемочки. Затем дно блюдца посветлело.

– Ну? – раздался требовательный бас.

– Прибыли Филиппов и Кузнецов. Досмотр прошли благополучно. В лагере порядок.

– Филиппову дай акт на ознакомление. Кузнецова в тир.

– А пожрать и умыться с дороги им можно? Или как?

Блюдечко взяло паузу. Затем последовало невнятное бурчание, и связь прервалась.

– Душа-человек,– осклабился Задов.– Слуга царю, отец солдатам. До утра оба свободны. Ладно, пора и перекусить чего-нибудь. А ты, Петюнь, акт все ж таки глянь. Все равно он на тебе повиснет...

– Это что, серьезно? – поинтересовался Петруха у Задова спустя пару минут, дочитывая поданную ему бумагу.

– А что вас, собственно, не устраивает, товарищ стажер?

– Все.

Немногословный доселе Кузнецов, прихлебывая чай, вальяжно раскинулся в кресле и поинтересовался:

– Зачитаешь?

– Запросто, дядь Коль.

«АКТ

приема-передачи арсенала и техсредств

Пушка-самопал – 2 штуки. Пулемет «максим» – 1 штука. Наган-самовзвод – 54 штуки. Мечи-кладенцы – 18 штук. Топоры-ледорубы – 1 штука. Ножи засапожные – 15 штук. Змей Горыныч – 3 пасти, 1 штука. Патроны наганные – 8.903 ведра (прилагаются коромысла – 2 штуки). Патроны наганные наговоренные – 9 котелков ⁴ (посеребренные). Патроны наганные изуверские (со смещенным центром тяжести) – две пригоршни. Ядра каменные – несчетно. Спецдро-бумеранг – 1 штука (в комплекте с аптечкой-исповедальной). Телефоны внутренней связи «КС» – 6 штук (Пермский СНХ 1961 года). Яблочки на блюдечке (8 блюдечек, 7 с половиной яблочек). Свет-зеркальца «Мачеха» походные – 1 штука. Свет-зеркальца «Трюмо» штабные – 3 штуки. Скатерть-самобранка – 3 и 3 четвертинки.

Инвентарь по акту

Сдал: Л. Задов.

Принял: П. Филиппов».

– Подпишешь? – полюбопытствовал Кузнецов.
– Нет, – решительно ответил Петруха, откладывая бумагу в сторону.
– А я бы подписал, – посоветовал Лева, нехорошо улыбаясь.
– А я вот – нет, – вежливо улыбнулся Николай Задову. – Сначала следует проверить наличие, слышишь, Петруха?

Они лучезарно поулыбались друг другу еще минут пять, однако Петруха явно не спешил разделить их веселое настроение.

– Не подпишу, – твердо подтвердил он.
– Лимон, райские яблочки к чаю? – поинтересовался Задов.
– Не подпишу.
– А я тебе календарь подарю. С девочками восточными, м-м-м, – понизив голос, пообещал Лева, и глазки его подернулись многообещающей поволокой.

Петруха улыбнулся, а Задов продолжал соблазнять:

– И скатерть-самобранку в личное пользование. Срок гарантии не ограничен...

Петруха усмехнулся и протянул руку за авторучкой:

– Ладно. Подписываю. Только без девок восточных, добро?

– Ну вот и славно, коллега. А насчет самобранки я пошутил. Тем более что одна из ее четвертинок у Ильи Тимофеевича, а требовать ее вернуть для сверки на склад лично я бы не советовал.

– Суров Тимофеич? – поинтересовался Кузнецов, доливая в свою кружку чай.

– Да нет, скорее прижимист. Он эту скатерку самолично у печенегов умыкнул. Уверяет, что это не трофей, а реституция. Вроде как невеста ему ткала и вышивала, а печенег реквизировали при набеге. Вместе с семьей, кстати. Теперь Тимофеевич требует ее списать, а на худой конец согласен приватизировать. Выкупить, стало быть.

– А что начальство?

– Рвет и мечет. Но Илья грозит ее потерять.

– Ну так пусть выкупает.

– Илья-то? – Задов с веселым удивлением глянул на увлеченно допивающего чай Кузнецова. – Илья гроша медного не даст.

– Так зачем же он предлагает ее выкупить? – всерьез заинтересовался наконец Кузнецов.

– Это он Хохела и Баранова достает, заммордуха нашего.

⁴ Спецучет в отделе финансов.

– Тот, что по моральной части?

– Ну да, заместитель командира нашего и Фурманова сподвижник по партийной части. Митька, кстати, мужик ничего, но на почве частной собственности слегка поехал. Впрочем, я тоже за экспроприацию. Мир – хижинам, война – дворцам и так далее. Помню, мы в Одессе в семнадцатом году...

Глаза Левы слегка затуманились, однако в этот момент медведь в углу тихо рыкнул. Из-за рощи донесся задорный одесский мотивчик – «В семь сорок он приедет». Кузнецов машинально глянул на часы. Было значительно позже.

Петруха перевел свои невинные голубые глаза на Задова. Во взгляде его читался невысказанный Николаем вопрос.

– Это Ваня, – неожиданно ласково пояснил Лева, – Сусанин Ванька, сын Иванович. «Жизнь за царя» слышали? Это про него. Парень в командировке восемьдесят четыре года промаялся. Эх, и как же кстати я баньку истопил! Верхнее чутье, одним словом, интуиция...

– Издалека он? – поинтересовался Кузнецов, протягивая руку за бутербродом.

– Дальше некуда. Великое переселение народов из Индии. Культивировал рассаду индоевропейских языков в Евро-Азиатском регионе. Особая миссия, проект века. Восемьдесят четыре года культивировал.

– Долго, – поежился Петруха.

– Раба надобно выдавливать из себя всю жизнь, и по капле.

– Кстати, о капле... – оживился Петруха, потянулся к вещмешку. – Не пора ли нам по капле?

В этот момент на пороге показался изможденный старец в изодранной, выцветшей тигровой шкуре с грубо оструганным посохом в правой руке. Длинные льняные волосы его были спутаны, деревянные сандалии сточены до стелек, и только синие печальные очи светились неземной мудростью.

– Я дома? – грустно поинтересовался он у Задова, не обращая ни малейшего внимания на остальных присутствующих. – Чтобы ты так жил, как я скучал за тобой, Лева, гой ты еси, добрый молодец.

Лева порывисто вскочил навстречу старцу и, трижды облобызав, усадил на диван.

Петруха тем временем достал бутылку коньяка и поставил ее в центр стола.

Сусанин ответным жестом сунул руку за пазуху и извлек из-под шкуры грязный граеный стакан, обмотанный куском плохо выделанной кожи.

– Чтобы не разбился, – устало пояснил он, перехватив взгляд Кузнецова. – Со знакомством!

Глава 2

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА

Совещание подходило к концу, но утомленный Владимиров продолжал свою речь по-прежнему на высоких тонах:

– Для вновь прибывших и тех, кто успел ненароком забыть о своем высоком долге перед имперской короной, напоминая, что наш отряд создан для оптимизации и коррекции вероятностных реальностей. Аналогичные группы действуют под патронажем североамериканской диктатуры – кодовое название «Коровьи джедаи», Островного графства – «Рыцари Колченогого Стола» и японо-полинезийской олигархии – «Пасынки солнца». Остальные аналогичные формирования или наши союзники, или откровенно оппозиционны. Противостояя нашим противникам как в основной, так и в вероятностных реальностях, мы обязаны неукоснительно исполнять все поставленные нам задачи. Вы все в некотором смысле добровольцы, и не мне вам объяснять, что враг до сих пор не дремлет.

Задремавший было в штабной палате народ проснулся и обиженно зашумел. Владимиров раздраженно оборвал шум взмахом руки:

– В связи с осложнением обстановки я временно категорически запрещаю увольнения в Лукоморье. Частичная консервация моим предшественником данной реальности была проведена не для того, чтобы вы крутили шашни с тамошними берегиньками и дрались в кабаках с провинциальными лешими. Энергетический потенциал Лукоморья изрядно потрепан, а нам необходима поставляемая оттуда лукоморская прана, и мана тоже нужна не меньше небесной. Без нее карусель остановится. И мы застрянем в текущем континууме лет на сто. Короче, дайте местным отдохнуть от вашего отдыха...

Дмитрий Евгеньевич смахнул с высокого лба капельки пота, недовольно покосился на лениво вращающиеся под потолком лопасти вентилятора и продолжил:

– Последний инцидент с Кощеем... Товарищи-господа Попович и Нестеров, не опускайте голову, у меня на столе петиция от мэра Лукоморья. Зарубите себе на носу, Алеша: Кощей бессмертен, но у него тоже есть нервы. Илья Тимофеевич, извините, пожалуйста, но и вас это касается. Не в смысле нервов, разумеется. Что за мода отрабатывать приемы русской сечи и рукопашного боя на несчастном обывателе. Меня совершенно не касаются ваши старые счеты. Так. Теперь этот случай на петушиных боях! Кому из вас пришло в голову устроить четырехсторонний поединок несчастных двухглавых орлов, воплощенных с гербов известных нам всем держав. Имейте в виду, вам сошло это с рук только потому, что товарищу Хохелу пришло в голову сделать весьма патриотичную ставку на местном тотализаторе. Выигранная прана-мана прошла по статье «пожертвования олигархов Лукоморья» и значительно пополнила наши казенные ресурсы. Хохел Остапович, вам трое суток отпуска при части.

В зале раздались громкие аплодисменты Батырбека и Дзержинского. Все остальные хмуро переглядывались, поскольку ставили на польского пернатого, пленившись его шляхетским задором.

– Ладно, на сегодня все. Свободны. Товарищи Муромец, Попович, Кузнецов, Задов и Ермак, прошу вас задержаться...

* * *

– Ну и сколько мы тут торчать будем, Илья Тимофеевич?

Илья задумчиво пожевал травинку, поморщился, выглянул из окопа и сочно сплюнул:

– Сидим покуда... Али нейдется тебе? Не каплет, не дует, командировочные идут. Сидим.

Кузнецов согласно кивнул, хотя в глазах его читалось сомнение – от реки явно дуло, накрапывал мелкий дождик, а командировочные, как его мрачно предупредил Задов перед выходом на операцию, были из категории «кот наплакал».

Сама операция тоже не впечатляла. Час назад им зачитали косноязычный приказ, суть которого сводилась к задаче закрепиться в какой-то второстепенной реальности. Там, в дозоре у Калинова моста, они должны были не допустить прорыва превосходящих сил противника через местную пограничную речку Смородину.

– Скукоти-шша, – выходя из штабной палаты, прокомментировал полученное задание Попович. – Размаху нет. Ни славы богатырской, ни трофеев. Одно слово – рутина.

– Это как глянуть, – заметил Ерофей Павлович Ермак. – Хороший человек всегда пользу и в таком деле сыщет.

– Верно, – не столько уверенно, а скорее с надеждой поддержал Задов атамана. – Заодно и Колю поднатаскаем. Так, Илюш?

Муромец, назначенный старшим отряда, безразлично пожал могучими плечами, за которыми стояла добрая сотня подобных дозоров. Высказывать свое мнение относительно предстоящей командировки он – то ли из предусмотрительности, то ли по равнодушию – явно не торопился.

– Мне одно непонятно, – заметил Задов, когда, позвякивая амуницией, они уже занимали места на карусели. – Превосходящие силы противника – это на сколько? И еще – каковы ожидаемые последствия нашего потенциального вмешательства?

Последний вопрос был чисто риторическим, поскольку начальство редко снисходило до детализации цепи событий, приводящих к нужному ему, начальству, результату. Кроме того, злые языки поговаривали, что последние пятнадцать лет поступающие сверху директивы отличались невиданной доселе непредсказуемостью и полностью противоречили здравому смыслу.

Наплевательское отношение к разведке, впрочем, не мешало теоретикам оперативного вмешательства предполагать, что исполнение конкретной порученной задачи, вызывая цепную реакцию изменений, приводит реальность в оптимальное состояние. Что именно понималось под словом «оптимальное», отряду не объясняли. Учитывая, что вмешательство, как правило, проводилось в крайне тяжелых для реальности ситуациях, любые изменения действительно оказывались лучшим выходом.

Хрестоматийным примером успешной операции издавна считалась битва на Чудском озере на «Земле-987», где, по словам единственного участника того легендарного десанта Ильи Муромца, пришлось всю ночь долбить лунки на льду предполагаемого места побоища, поскольку накануне сражения в Новгородской области ударил сильнейший мороз и гениальный план местного князя оказался под угрозой.

«Толковый был мужик, – тепло отзывался о нем Илья. – Человек десять мне прислал с ломами, а еще и пять саней с брагой. Даже уговаривать его не пришлось: с лету все понял, государственного ума деятель, понимаешь!»

Насчет чего именно – ломов или браги – оказался толковым местный князь, Илья никогда не уточнял.

– Превосходящие силы – это когда отступить бессмысленно, потому как некуда, – все же ответил Задову богатырь, удобно располагаясь на именной деревянной лошадке. – Превосходящие силы – это всегда залог нашего беспримерного героизма и былинных подвигов.

А сколь именно их, этих превосходящих нас сил, и насколько они превосходят, мне, Лева, извини, начхать. По-е-ха-ли!

Карусель, натужно просев под Муромцем, мерзко скрипнула и тяжело вздохнула. «Э-э-эх, ухнем! Еще раз ухнем, эх, зеленая, сама пойдет, сама пойдет», – раздалось над притихшим побережьем.

* * *

– Вона – еще три часа спустя лениво процедил сквозь зубы Илья, кивая на ту сторону реки, – ползет кто-то.

По проселочной дороге на противоположной стороне реки к мосту уверенно двигалась группа закованных в сверкающие латы всадников.

– Наждаком драили, – с завистью шепнул Ермак.

– Четыре, пять, девять... Ерунда, – облегченно пересчитал ладные литые фигурки Задов. – На полчаса работы.

– Ой не скажи, Лева, – недовольно пробурчал Попович, обмениваясь озабоченным взглядом с Ильей. – Мне эти разгулы еще по делу мерина-Мерлина знакомы.

– Да неужто «затрапезники»? – восторженно ахнул Ермак, неосторожно высываясь из окопа по пояс.

– Они самые, будь они неладны. – Алеша бодро мотнул кудрявой шевелюрой.

Рыцари Колченогого Стола, в просторечии «затрапезники» или «разгулы», на странственно-временной карте живой и мертвой реальности представляли интересы Островного графства.

Учитывая, что мертвая реальность для Лукоморской дружины интереса практически не представляла, прямые столкновения между двумя отрядами боевиков случались довольно редко.

– Ну и зачем им эта реальность сдалась? – горестно вздохнул Илья. – Народишко здесь мирный, благообразный, живет чинно, все больше по заповедям.

– Бремя просвещенной расы, – догадливо прояснил ситуацию Кузнецов. – Несут культуру в массы, цивилизуют.

– В гробу видал я их культуру, – с некоторой завистью вступил в разговор Задов. – Полмира ограбили, музеи от наворованного добра ломаются. Пирамиду Хеопсову и ту к себе на острова утащили. И все руками чужими; стравят народы малые и тешатся.

– Точно, – поддержал его Кузнецов. – У них любимый герой знаете кто? Дворецкий, рабская душонка, лакей дворовый – символ преданности.

– А простой люд у них как? – полубопытствовал Ермак. – Нешто не противно другими народами помыкать?

– Привыкли, – авторитетно пояснил Задов. – На ворованном оно живет не в пример легче, чем своим трудом хлеб насущный добывать. Да и что с них взять, с простых-то? У них оно как было: ребенок кусок хлеба на рынке стянул – ручонку ему и оттяпают, стянул еще раз – и вторую поминай как звали. А про дома их работные слыхивал? Наши остроги против тех домов – курорты крымские.

– И впрямь малым дитяткам ручонки секли? – занервничал Ермак.

– Завсегда! – глухо отрезал Задов. – Говорю, рабский народец. Был у них один вольнолюб – Гудов Робин с Шервудщины, так извели лучника. Свои же и сдали господам.

– Кончай комиссарить, Лева, ясно нам все. – Илья смачно сплюнул. – Не хрен им тут делать. Короче, так: велика реальность, а отступать некуда, позади... это самое...

Группа оглянулась. За спиной чернел мрачного вида бор, весьма неприветливый, если не сказать страшноватый. С опушки доносился тоскливый и голодный волчий вой. Правее бора, на одном из семи крутых косогоров, расположилась милая каждому православному убогая деревенька, на околице которой три добротнo одетых дружинника самозабвенно и смачно секли истошно вопящего селянина. Еще правее виднелись заплатками убранные поля чахлой ржи и пастбища с худосочными, грустными буренками.

– За недоимки, видать, секут, – мечтательно осклабился Алеша Попович. – Святое дело!.. Экономика переходного периода эпохи раннего феодализма.

– Эврика, Илюша! – встрепенулся до глубины сердца тронутый открывшейся пасторальной картинкой Ермак. – Переходим на ту сторону и сжигаем мост.

– Ну да, – скептическим эхом отозвался Илья, – мертвые сраму не имут. Проходили. А оно тебе надо? В иную реальность лезть себе дороже. А как ежели она мертвая? Нет, друзья мои. Чужого акра не хочу ни фута, а своего вершка и пяди не отдам. Чакру свою тут положу, карму попорчу, а с места не сдвинусь.

– Гомер! – восхищенно глянул на побратима Алеша Попович. – Боян вещей! Твои бы слова да каликам в эпос!

Илья смущенно потупил орлиный взор, и на покрасневшем курносом его носу выступили веснушки.

– Стало быть, прошвырнемся к мосту? – торопливо подытожил ревнивый до чужой авторской славы Задов.

– Вы прошвырнетесь! – уточнил Илья. – Что до меня, то я уже все сказал. С места, блин, не сдвинусь. Богатырское слово верное.

– Понятно, – недоумевающе процедил Задов. – Поделишься, стало быть, на всех своей долей подвига. Ну что ж, нам больше славы достанется.

– Старшим в наряд у моста назначаю товарища Ермака, – одернул одессита враз насупившийся Муромец. – Приказываю: группе выдвинуться к переправе, вступить в переговоры, предупредить противника о недопустимости нарушения равновесия данной реальности. Она, как помните, от дедов нам дадена, а потому священна и неприкосновенна. Далее – по обстановке. Толмачить будет Задов.

– Да начхать им на наши предупреждения, – занервничал уже и Ермак. – Вона у них подкрепление идет-едет.

– Ох, маму их! Доннер веттер, – невесело присвистнул Кузнецов, вглядываясь во вновь прибывающих. – Нечисть...

Картинка и впрямь впечатляла.

К группе разгулов с двух сторон направлялось весьма колоритное подкрепление. Из-за излучины справа на огромных, резвых волколаках вытрусил два десятка здоровенных орков и еще десяток отборных гоблинов-альбиносов.

Легкая поступь и зеленые прорезиненные плащи следовавшего за ними пешего отряда выдавали в нем группу эльфов. Некоторые из них что-то пели – печальная, заунывная походная баллада нагоняла на окрестность дикую тоску, от которой увядали даже осины.

Можно было, однако, уверенно сказать, что шли эльфы навеселе, поскольку то там, то тут в их таборе мелькали фляги эля. Изредка из этой группы доносился леденящий душу выкрик типа «Сверлистендрель!» или «Полундрагивольт!» При этих выкриках уши эльфов начинали мелко подрагивать. Куцые рысьи кисточки на них мотались из стороны в сторону, длинные мелированные волосы развевались, как конские хвосты, и цеплялись за репейник. «А хороши скальпики!» – профессионально отметил коллекционер Ерофей Павлович, но тут же осекся и виновато потупился под насмешливым взглядом Поповича.

Чуть поодаль эльфов, на почтительном расстоянии, грузно и мерно топал горный тролль средних размеров. Время от времени он с недоверием и опаской поглядывал на своих

нетрезвых и шальных соседей. При особо душераздирающих выкриках тролль отворачивался в сторону и мелко крестился слева направо.

Между тем из подлеска, построившись в боевой порядок «порося», ломились через кустарник и шаркали своими подкованными кожаными сапогами патлатые бородатые гномы. В бородах – даже на таком приличном расстоянии – угадывались объедки вчерашнего ужина.

В мефриловых шлемах, коротких клетчатых юбках, плотно укутанные шальями, гномы шли молча, отчего производили вполне достойное впечатление, которое портило лишь непомерно громоздкое оружие. Казалось, что на вооружение отряда ушли топоры двух десятков опытных средневековых палачей. Футляры от топоров, надрываясь от тяжести, тащили за гномами два мохноногих маленьких орка. Рядом с ними мелькали подбитые красным войлоком элегантные черные плащи вампиров-мутантов, способных безболезненно переносить солнечный свет.

– А может, передумаешь, Илюша? – поинтересовался Задов, нервно облизывая пухлые губы. – Видишь, сколько их привалило, прогрессоров-цивилизаторов. Пошли с нами.

– Не могу, Лева, – с раздумчивой улыбкой шепнул коллеге Илья. – Видит Бог, не могу. Слово богатырское крепче стали булатной. Ступай, добрый молодец, стяжать славу ратную. Славу ратную да былинную, исконную да непреходящую, гордую да вековечную, вековечную и так далее.

С этими проникновенными словами доброго дружеского напутствия Илья ухватил Задова за пояс, легко приподнял и выпихнул из окопа. Для убедительности он пару раз ласково ткнул пудовыми ножнами товарищу пониже спины, и тот невольно выпрямился.

Один он оставался недолго. Следом за Задовым через бруствер легко перемахнул прошедший лубянскую, а главное, дворовую школу взаимовыручки Николай Кузнецов. После равнодушно и сноровисто перелез Алеша, лениво, но спокойно перевалился Ерофей Ермак.

Отряженная на переговоры четверка, чертыхаясь, продралась калиновыми кустами уже к самому мосту, когда на вражеском берегу ее наконец заметили. Один из девяти сверкающих латами разгулов негромко окликнул кого-то из товарищей и, не спешиваясь, направил коня на бревенчатый мост. Остальные рыцари с явным удовольствием покинули седла, разминая затекшие ноги. Нечисть форсировать реку не спешила.

Приободренный таким неспешным развитием событий, Задов нетерпеливо дернул Ермака за рукав:

– Двинули, Ерофей, ты гуторить будешь, а я переведу слово в слово. Отбредемся, авось и обойдется.

Ермак с сомнением покосился на новоиспеченного переводчика. Он, похоже, оптимизма боевого товарища не разделял и на языковые способности Левы полагаться не собирался.

– Колян со мной за толмача пойдет, – глухо буркнул Ермак, тяжело вздохнул и насутился.

– Обижаешь, начальник, – оскорбился Задов. – Перед бугром ответишь за нарушение приказа.

– Я тут бугор, – опять вздохнул, перепоясываясь, Ермак. – И пойдет со мной Кузнецов. Кузнецов с готовностью вскинул гордый арийский профиль:

– Яволь, господин Ермак! То есть – всегда готов. Почту за честь.

Алеша одобрительно кивнул и придержал Задова, на устах которого трепыхалось то ли «пионер сопливый», то ли «гитлерюгенд недоношенный», то ли «скаут недобитый». Впрочем, в глубине души такой поворот дела Леву более чем устраивал. Он презрительно хмыкнул и, демонстрируя несогласие с линией командования, решительно присел на бугорок. Попович, краем глаза поймав внимательный взгляд Ильи, остался стоять.

Высокие договаривающиеся стороны встретились для переговоров аккурат посередке Калинова моста. Внизу мягко плескалась Смородина и, обхватив руками одну из бревенчатых опор, высунулась по пояс заинтригованная происходящим бесстыжая русалка. Дождик тоже поутих, и даже солнышко, собираясь закатиться за горизонт, с нездоровым для здешних мест любопытством на минуту выглянуло радугой из-за редящих туч. Переговоры открылись без церемоний.

– Слышь, мужик, – решительно начал Ермак, – ты тавой... Сюдысь не ходи, а мала-мала тудысь ходи. Андерсен?

С этими словами Ерофей Павлович небрежно кивнул в сторону, где правее моста угадывался неглубокий брод.

– Переводи, Колян, – утомленный переговорами Ермак облегченно перевел дух.

Обескураженный Кузнецов молчал. В предложении форсировать реку вброд, сделанном Ермаком противнику, ему попеременно виделось то явное предательство, то тонкий расчет на обстоятельства ему, новобранцу, неясные. Кроме того, его всерьез разобрало любопытство: являлось ли слово «андерсен» фамилией рыцаря или это изрядно искаженное английское «understand»?

Рыцари в латах тоже молчали, и молчали довольно долго, явно ожидая или продолжения или, на худой конец, перевода. Неловкая пауза затягивалась.

Пять минут спустя один из разгулов утомился. Сняв шлем, он подставил мокрый лоб налетевшему ветерку и, вежливо наклонив голову, представился на вполне сносном русском языке:

– Сэр Артур Камелотский. Господа, имею честь сообщить вам, что данная мнимая реальность входит в зону жизненно важных интересов Островного графства. По праву первооткрывателей этот запущенный континуум принадлежит нам. Наши ирреальные соплеменники проявили к новым жизненным пространствам понятный живой интерес. Завтра, в канун Хеллоуина, ровно в полдень, темпорально-пространственный барьер будет снят, и мы вступим во владение своей законной собственностью. Надеюсь, что конфликта мы избежим. Dixi.

– Дикси – это, кажется, остров такой, – тихо пояснил Ермаку Кузнецов. – А еще «я все сказал» по-латыни.

– С нечистью дружбу водите, – нехорошо прищурился Ермак. – Вампирчиков приваживаете, волколаков пасете, гномов подпаиваете?

Сэр Камелотский сокрушенно вздохнул:

– Права нечисти в нашем графстве столь же уважаемы, как и рыцарские и любые другие. Свобода совести и бытия, если вам угодно. Они разделяют наши взгляды на круговорот праны и маны, и мы к ним лояльны. Насколько мне известно, ваше Лукоморье тоже процветает, и энергию вы качаете именно оттуда.

При этих словах в устах разгула скользнуло что-то змеиное – то ли раздвоенный язык, то ли гадкая ухмылка.

– Наша нечисть кровь по ночам у детишек не сосет. И Лукоморье наше не шабаш, а заповедник, законом хранимый. – От патриотических аргументов Ерофея Павловича явно пахло кваском, но сдаваться он не торопился. – И потом, какие вы, чеширский кот, первооткрыватели, ежели тут люди спокон веков живут.

– Быдло это, а не люди! – свой шлем снял наконец и второй рыцарь. – Нам папа на отстрел аборигенов лицензию дал. И индульгенцию лет на двести. Будь спокоен, почистим эти конюшни, как в Австралии и Новом Свете. А те, что уцелеют, – пушай себе плодятся. Вампирам и оркам тоже жрать надо. Регулируемая рождаемость, храни нас королева! Опять же, надо приобщать этих язычников к свету истинной веры и идеалам демократии. Омен, пардон, аминь.

Рыцарь коротко хохотнул. Пахло от него довольно мерзко, потому как едкий запах нестираного исподнего, смешавшись с «шанелью», заглушал даже терпкий аромат придорожной полыни. По сведениям краткого курса истории диалектических реальностей, в проточной воде жители Островного графства научились умываться только в начале XX века любой реальности.

– Мой верный Ланселот, господа, несколько прямолинеен, – слегка поморщился сэра Артур, – но в целом недалек от истины. Надеюсь, что вы, как истинные джентльмены, уступите нам завтра дорогу. Эскюз ми плиз, но, право, мне не хотелось бы омрачать наше знакомство столь мелким конфликтом. В конце концов, нам, урожденным дворянам духа, дважды избранным, делить нечего, не так ли, господа?

Сэр Артур Камелотский смачно сплюнул в реку и аккуратно отер губы платочком, извлеченным из приваренного на латах нагрудного кармана. Русалка внизу, плененная было блестящей никелированной упаковкой рыцарей и галантной речью сэра Артура, брезгливо поморщилась.

Кузнецов молча переваривал услышанное, да и насупившийся Ермак мозолистой пятерней задумчиво чесал в затылке, подыскивая ответ поддипломатичнее.

«Шо хошь, сволота, делай, а политеса мне не нарушай» – эту старую заповедь в его спинной мозг прочно вколотил розгами Петр Великий на регулярно проводимых им политзанятиях. Те двухнедельные дипломатические государевы экстернат-курсы в Навигационной школе в свое время оченьгодились юному атаману, командированному позже на освоение Сибири.

– Шел бы ты, верблюд ⁵... – Ермак грязно, но от души выругался, развернулся и, насвистывая «Гей, славяне!», пошел прочь. По мнению Ерофея Павловича, великий государь остался бы вполне доволен столь лаконичным завершением переговоров...

Так и промолчавший всю встречу переводчик Николай Кузнецов, молча и с достоинством поклонившись, решил сгладить неловкость коллеги тонким русским юмором.

– Вы знаете, господа, а это неправда, что у Нельсона не было одного глаза. У адмирала был один глаз.

Еще раз вежливо поклонившись вконец оторопевшим сэрам, Кузнецов последовал за Ермаком.

«Странный они народ, островные. И с юмором у них что-то не того. Кутузов Михайло Илларионыч полчаса хохотал...» – уже на ходу припомнил Николай свою историческую встречу с ветераном в отделе кадров и выбросил разгулов из головы. Сейчас его больше заботила предстоящая оценка переговоров сначала Ильей, а затем и руководством старшего ранга.

Разгулы, постояв на мосту еще пару минут, обменялись презрительными для дружинников оценками «варваров в портах», потом по-военному слаженно развернули лошадей и, поскрипывая ржавеющими на глазах латами, двинулись к своему отряду.

А белокурая русалка оставила облюбованную сваю, бесшумно нырнула и серебристой молнией понеслась под водой к Коровьему омуту; услышанные вести вполне могли заинтересовать ее троюродного деда Водяного.

* * *

⁵ Ермак полагает, что слово «Камелотский» происходит от английского «Кэмэл» – верблюд.

Выслушав доклад, Илья с яростью ухватил себя за ворот полотняной рубахи и без малейшей натуги рванул его вниз. Рубаха разодралась с задорным металлическим скрипом – увлекшись, богатырь прихватил могучими руками и кольчугу, которая теперь, весело позвякивая коваными колечками, сыпалась с его могучего торса. На плече у Ильи обнаружилась яркая темно-синяя пороховая татуировка – пятиугольник знака качества и четыре буквы «СССР».

– Я тебе что говорил, Ерофей! На кой ляд ты, скажи мне, Кольку на мост потащил? У него опыта – с гулькин нос. А ежели бы Хеллоуин этот треклятый сегодня был? Посекли бы они вас двоих как котят.

– Так ведь переговоры ж, Илюша. – Ерофей Павлович, оправдываясь, походил на впервые выпившего подростка. – Честь рыцарская опять же. Не казачья, конечно. Но ведь честь.

– Какие переговоры, какая честь, Ероша? У них на эту честь мораторий пожизненный. Ты вон у Коли спроси, сколь лет они второй фронт открывали? Тьфу на вас, интеллигенция казачья.

Илья бушевал недолго. Замена Левы на переговорах Кузнецовым была единственной претензией богатыря к понурому Ерофею. Сам ход исторической встречи на мосту он оценил очень высоко, особо упирая на добытые данные.

– Учитесь, парни, – комментировал Илья, поднимая к небу толстый, как сарделька, указательный палец. – Во-первых, Ероша узнал, когда противник предпримет наступление. Во-вторых, мы знаем имена главных их застрельщиков. И наконец, последнее. Своим предложением форсировать реку вброд Ерофей Павлович, полагаю, посеял в рядах агрессора хаос и смятение. Теперь они до утра будут думать, нет ли тут какой хитрости, а утром все они, кроме тролля, через мост попрут, потому как тролль глуп и потому как мост его веса не выдержит. Вам это на руку: в тине тролль увязнет, а речка здешняя илистая, и дно топкое, некачественное.

– Илья Тимофеевич, извините, – суховато-официальным тоном перебил Муромца Задов, – вы сказали «вам» или «нам»?

– Вам, Лева, вам. Я отсель, как сказано, шага не ступлю. А потому предлагаю товарищу Поповичу представить мне к девяти часам утра план вашей обороны. Как там, кстати, супостат, Николай?

Кузнецов навел подозрную трубу на вечерний стан противника. Лагерь, разбитый у дороги перед мостом, выглядел вполне невинно. Эльфы распивали и распевали, гномы попыхивали трубочками и точили свои топоры. Два маленьких мохноногих орка, аккуратно сложив футляры, неустанно подтаскивали хворост для разгоревшегося костра; орки покрупнее то и дело подгоняли их увесистыми тумачами и оплеухами. Тролль любовался у реки своим отражением, а трое гоблинов о чем-то ожесточенно спорили, облокотившись на перила мостика. Остальные гоблины уже спали.

Отдельно кучковались вампиры, озабоченно копошась вокруг сборно-разборных походных гробиков. Собирались ко сну и разгулы; лишь один из них, отряженный, видимо, в караул, еще был на ногах. Остальные поснимали доспехи и, укрывшись попонами, ворочались на охапках реквизированного крестьянского сена.

– Стога два разорили, – заметил Задов.

– Ответят, не бойсь, – беспечно ответил Илья. – Товарищ Задов, заступить в караул у моста.

– Когда будет смена? – неохотно приподнимаясь и с трудом глотая обиду, поинтересовался Лева.

– Я тебя, сынок, сам разбужу, – ухмыльнулся богатырь. – Мне все одно завтра тут без дела торчать. Ступай себе с Богом от греха и от меня подальше.

– А почему, собственно, вы именно меня в караул, Илья Тимофеевич? – собирая амуницию, упавшим голосом полюбопытствовал Лева.

– Некому больше, Левушка. Ерофей с Николаем вон какое дело вынесли, а у Алеши ночь долгая, бессонная. Думу он думать будет, верно, Лешенька?

Алеша согласно и серьезно кивнул, ласково улыбнулся Лева, отвернулся, присел на камень, закинул ногу за ногу, подпер подбородок рукой и изобразил тягостные раздумья. Задов негромко выругался и поплелся к мосту.

* * *

– Интере-э-эсный план,– оглядывая коллег, с сомнением протянул Илья, выслушав Поповича в десять часов сорок две минуты следующего утра. – Главное, лаконичный. Обмозгуем...

– Хрена ли тут мозговать? – взвился на дыбы Задов. Ночью Леву так никто и не сменил, а тревожить Илью и отходить от моста он, хорошенько подумав, не решился – богатырь славился равной суровостью как к нарушителям своего ночного покоя, так и к дезертирам из караула. Теперь злой, невыспавшийся и продрогший за ночь Задов был вынужден выслушать еще и гениальный «план» Поповича, который сводился к трем-четырем фразам, ключевой из которых была «А тут мы выскакиваем и по мордам их, по мордам!» Как понял Задов, на обдумывание своей стратегии Алеша не потратил и минуты драгоценного сна. Кстати, условленный срок не проспал только Кузнецов, присоединившийся к Лева в девять утра из товарищеской солидарности.

Здесь, на импровизированном вече, Николай в полном недоумении переводил задумчивый взгляд с Поповича на Илью и обратно. От Ерофея Павловича проку было мало – Ермак от обсуждения предусмотрительно самоустранился. Истово крестясь и поминутно поминая царя небесного, он с тоской мечтал о добрых старых временах покорения Сибири и добром старом своем враге хане Кучуме.

– Хрена ли тут мозговать? – вторично возопил закусивший удила Задов. – Это не план, это форменный контрреволюционный саботаж. Да батька Махно за такие планы самолично саблей от сих до сих вот рубал...

– Ты мне ручонкой не тряси, мал ишшо, чтобы мне перечить. – Илья слегка повысил голос, но тут же, сменив тон на более мирный, ласково глянул на Алешу. – Согласен, в плане есть некоторые, скажем так, недоработки, но заглавная идея мне вполне, понимаешь, импонирует.

– Это насчет «по мордам»? – ехидно уточнил Задов.

– А что? – обиделся за свой план Алеша. – Ласкать их, что ли?

– Ан и приласкать можем, ежели Родина-мать позовет, – раздался за спиной у пятерки отважных дружинников чей-то незнакомый голос с приятной испитой и прокуренной хрипотцой.

– Та-ак, – не оборачиваясь, процедил сквозь зубы Илья, обшаривая траву рукой в поисках меча. – Я, кажется, кого-то умного да надежного вчера на ночь в караул ставил?

– Брось, Илья. У тебя, похоже, проблемы, – продолжал все тот же спокойный голос.

– Проблемы будут у тебя, – едва нащупав меч, заверил незваного гостя Муромец и вернулся к нему. – И мало тебе, козел, не покажется.

– А ведь ответишь за козла когда-нибудь, Илья Тимофеевич, ох и ответишь.

Илья вскочил на ноги. Алеша и Ермак, навалившись на разъяренного богатыря, едва удерживали его.

– Посеку гада! – орал Муромец. – Под трибунал пойду, а посеку вусмерть!
Гость стоял спокойно, иронично улыбаясь и явно наслаждаясь ситуацией.

– А правов у тебе таких нетути, деревенщина ты лимитная, простофилина. И реальность здешняя ничейная, и я тут по официальному приглашению братвы местной, – откровенно подначивая Илью, посмеивался гость, небрежно протягивая Задову внушительного вида паспорт с гербом Лукоморья – мрачного вида черно-бело-полосатым котом, разрывающим цепи под раскидистым дубом.

– В порядке документ, Илья Тимофеевич, – хмыкнул Задов. – Виза вчерашним днем открыта.

– Кто такой? – тихонько поинтересовался у Задова Кузнецов.

– Барыга лукоморский, разбойник бывший, Соловей. У Ильи к нему счетец неоплаченный, да с поличным его не возьмешь, юрок больно, – шепнул Николаю Задов и повысил голос: – Да угомонись ты, Тимофеич, говорю же, в порядке бумаги, все чин по чину, командирован по обмену опытом.

– Знаю я его опыт, людишек безвинных изводить, – слегка остывая, стряхнул с плеч руки друзей Илья. – Он тут нам таких делов понаделает за неделю – год не расхлебам.

– Оно и так, а выбирать не из чего, авось и впрямь чем сгодится, – рассудительно заметил Ермак. – План у Алешки, мягко говоря, невелик, и места в нем всем хватит. Али нет?

– А толку с него? – заметно успокаиваясь, внезапно ухмыльнулся Илья. – Он у меня в прошлый раз полгода зубами плевался. Чем свистеть-то будешь, урод?

Соловей широко улыбнулся, обнажив прокуренные золотые фиксы.

– Чудеса заморской стоматологии, Илюша. Сотня дублонов, и всех делов. Я тебе еще «Прощание славянки» на похоронах насвищу.

И Соловей, демонстративно сложив губы трубочкой, издал пару известных трелей.

– Тоже мне, золотые губы Лукоморья, – снова, но уже без прежнего энтузиазма, буркнул Илья.

Кузнецов поймал себя на мысли, что отношение Ильи к явлению Соловья вдруг изменилось.

– Слышь, мил человек, дела твои с Ильей того... дела приватные, и нам до них и дела-то нет, – проникновенно обратился к Соловью Ермак. – А с каких таких пор, скажи, ты о наших заботах печалишься, злыдень. Али не твои сродственники, нечисть поганая, по ту сторону кордона на нас зубы точат? Отвечай как на духу!

– Отвечаю, казачок. – Соловей недовольно пощупал еще влажную от утреннего тумана землю, скривился и без спросу расположился на вещмешке Кузнецова. – По первости, мы не нечисть, а нелюдь, а это, как говорят у господина Задова на Дерибасовской, две большие разницы. Второе. Нелюдь мы местная, тихая, и нам лишней крови по понятиям не треба. А забулдыги закордонные на нашу территорию лапу наложить хотят. Это нам надо?

– Таки на вашу территорию? – выделяя голосом «вашу», поинтересовался ехидный Задов.

– Это частности, господин-товарищ Задов, – развел руками Соловей. – Нашу-вашу, шолом-салам, шашлык-машлык. Я эту реальность, между нами, земляки, лет пятьсот знаю. Захолустье, конечно, но свой гешефт мы имели, имеем и иметь будем. Если, конечно, вы ее разгулам не уступите. Наше дело небольшое, но верное. Ну сами посудите:, кабы мы тут куролесили, то вы бы сюда давно добрались. А так мы сидели рядом да гуляли тишком. И все в ажуре. Местные нас, конечно, не больно жалуют, а кому охота дань платить? Кузнецов глянул на Илью. Муромец буквально смотрел Соловью в рот. На губах богатыря мелькала какая-то нехорошая многообещающая ухмылка, которую заметил наконец и сам Соловей.

– Але, земля, ты на слуху или в астрале? – раздраженно рявкнул разбойник. – И че ты на меня пялишься, как Каспаров на домино? Мы с тобой тыщу лет знакомы, дотошный

ты мой. Прикид у меня не от Версаче, покрой местный, домотканый. Блюдем-с интересы отечественного производителя.

– Ась? – встрепенулся Илья, отрываясь от каких-то своих сладких мыслей.

– Двась... Чо скажешь, говорю, бугор? Берешь в дело?

Илья окинул Соловья смурным взором. Перед ним стоял уверенный в себе мужичок, кругленький, коротконогий, с кривыми ножками. Во рту у мужичка блестели вставные зубы, в глазах светился недюжинный ум. Одет он был и впрямь исключительно в отечественное: отутюженные порты из крепкой дерюги, алая косоворотка с перламутровыми пуговками, шитый бисером и серебром пояс. Из лайковой кожи сапоги последней лукоморской моды изящно сминались гармошками. Лысый череп барыги украшал лихо сдвинутый на затылок картуз, подбитый сободем.

Илья усмехнулся и доверительно изрек:

– А неправду ты баешь, свет-Соловушка. И начхал бы ты с высокого терема своего на доходы местные, гроша и впрямь едва стоящие, кабы не интерес личный. Колись, вражинушка, тут все свои.

Соловей досадливо мотнул головой и ответил Илье в тон:

– Ай и правду ты баешь, сокол ясный. Есть у меня тут свой интерес. Мне, земля, за державу обидно. Да и батюшка мой из местной нелюди. Чай, не чужие меня сюда позвали, мог бы и сам додумать, стоеросовый ты мой.

– Вот и ладно, – попытожил Илья, вставая с покоса. – Зови своих отморожков. Уж верно, ты сюда не один явился.

Соловей благодушно кивнул и щелкнул пальцами. В ближайших кустах послышался шорох, и на белый свет вылезла ватага его сподвижников...

* * *

Над всей равниной, доступной с холма взору Ильи, стояло на редкость безоблачное небо. Майский полдень был уже по-летнему ясным и теплым. Налетавший с юга ветерок ерошил богатырские кудри, а сам Илья крепкой своей дланью ерошил гриву коня. Верный Сивка, вызванный изрядно надоевшим ему «Встань передо мной, как лист перед травой», угрюмо щипал эту самую траву, время от времени всхрапывая и отгоняя хвостом кусачих слепней.

Чуть правее и ниже Ильи на том же холме уютно расположились зеваки из числа местных крестьян и парочка давешних дружинников – то ли откомандированных в село своим князьком для сбора недоимок, то ли пребывающих в очередном отпуске. К Илье крестьяне пришли с челобитной, упрашивая немедля выдать им Соловья, уже успевшего чем-то напакостить местной общине. К грядущему вторжению они отнеслись, однако, довольно равнодушно. «А нам все едино. Что так от голоду подыхать, что эдак», – добродушно заверил Илью местный староста Кучок, даже не оглядываясь на насупленных дружинников. Те сидели отдельно, но явно более патриотически настроенные, поскольку оказались при мечях и белых тряпках. У моста между тем должна была вот-вот решиться как минимум лет на восемьсот пятьдесят вперед судьба местной реальности.

Реку объединенные силы разгулов и Островной нечисти форсировали без малейших усилий. Проблемы возникли только у тролля, по пояс увязшего, как и полагал Илья, в речном иле. Остальные отряды переправились через мост и, выстроившись в ложбинке ухватом, дисциплинированно ждали команды.

Алеша решительно управлял тройкой дружинников и ополчением из нелюди, в строгом соответствии с выбранной им стратегией. Сам он гордо стоял по центру, поставив по левую руку от себя весьма поганого вида Идолище, Кузнецова, Лукоморское Лихо Одноглазое, местного лешего и неунывающего Соловья, который, разминая губы, глумливо насвистывал «Интернационал». По правую руку стояли Задов, Ермак, два домовых и банник; все трое последних – местные. Войска были выстроены строго по алфавиту, и этот факт почему-то особо грел просвещенную Алешину душу.

– Дорогу! – властно распорядился сэр Артур, слегка выступая вперед и обнажая свой легендарный меч.

Алеша неторопливо снял левую перчатку и, сложив увесистый кукиш, ткнул им в сторону сэра.

Зеваки на холме одобрительно загудели – Алешин жест им был явно знаком. Особо бурно реагировал селянин, высеченный наемни за недоимки.

– Дорогу, холопы! – чуть тише, но еще строже приказал сэр Артур, стиснув не чищенные с утра зубы.

– Поединщиков на поле! Заводил высылай! – донеслось до противников с холма.

Сэр Артур дальновидно решил местным традициям уступить. По его небрежному кивку из группы вампиров выдвинулся щеголь средних лет. Небрежно стряхнув с чохлых плеч плащ и отвратительно оскалившись, он легкой походкой преодолел свою половину пути между противниками и остановился, поблескивая двухдюймовыми клыками.

Попович развернулся лицом к своей дружине и оглядел строй. Поймав вопросительный взгляд Алексея, Соловей едва заметно кивнул на Лихо. Попович отрицательно мотнул головой.

– Давай, Лева, – проникновенно кивнул он Задову. – Уделай кровососа.

Задов от неожиданности неприлично громко икнул.

– Лех, ну ты что, в самом деле? – Даже Ерофей по такому случаю слегка нарушил дисциплину строя. – У них категории разные. Выставь нелюди нелюдево. Ты Писание-то читал?

Попович метнул на Ермака твердый, как кулак Ильи, взгляд и снова повернулся к Задову. Лева покорно вздохнул. Выйдя из строя, он перекрестился и склонился в земном поклоне перед всем честным народом и нечистой нелюдью.

– На убой пойдет, болезный, – уверенно прокомментировал походку Задова староста села и туманно добавил: – А кровосос – он и на княжьем дворе кровосос.

Поединок действительно закончился быстро. Вампир под одобрительные выкрики сородичей вечерней тенью метнулся к Задову, легко увернулся от выпущенной ему в голову револьверной пули и вонзил клыки аккуратно под правым ухом. Лева заорал, вампир сочно причмокнул, сладко сглотнул и, забившись в конвульсиях, издох.

– Говорил же, на убой идет, – авторитетно напомнил о себе односельчанам староста Кучок и вздохнул: – Пришибли болезного.

Между тем Левин выстрел даром не пропал. Пуля-дура срикошетила от щита одного из гномов, ворвалась в их непобедимый строй и минуты две металась там, как озверевший шарик в пинболе. В результате единственный оставшийся неубитым гном по имени Гримли стал пацифистом и, по слухам, месяц спустя по протекции знакомого джина устроился евнухом в гареме в далекой южной стране. Говорят также, что именно ему принадлежит известное печальное изречение: «Лучше любить, чем воевать»...

Вампиров смерть собрата потрясла значительно меньше. Они просто развернулись и ушли. С холма было хорошо заметно, как к ретирующимся кровососам поскакал один из разгулов. Вожак вампиров, однако, обладал, по всей видимости, и невербальной магией,

поскольку сотворил средним пальцем левой руки какой-то непонятный жест, после чего рыцарь еще быстрее поскакал обратно.

Кузнецов облегченно перевел дух, однако тут ситуация резко изменилась. Перемазанный илом и тиной горный тролль, вопреки ожиданиям, все-таки выбрался на оперативный простор и, размахивая руками, понесся к ристалищу. Кроме того, протрезвевшие эльфы, отложив мечи, принялись осыпать противника стрелами. Оба домовых и сварливый банник, сраженные меткими выстрелами, пали, так и не вступив в бой. Некоторые из стрел на излете, но все же достигали подножия холма, что вместе с внезапной атакой орков смутно напомнило Алеше что-то из лекций Маннергейма.

– Атас, ребятушки! – вспомнились Алеше золотые денечки детства в залитых солнцем докоммунальных двориках Киева, матери городов русских. – Атанде! ⁶ Все – на гору!

Строго говоря, это неожиданное для самого Алеши решение было явным отступлением от плана, но импровизацию на поле брани Попович любил не меньше, чем на поле любви.

Повторять этот гениальный приказ не пришлось: дисциплинированное ополчение во главе с Задовым уже несло в горку. А спустя пару минут холм, на котором стоял Илья и сидели селяне, был окружен. На штурм новоявленной Шипки гроыхающий горный тролль, орки и гоблины пошли под прикрытием легких эльфийских стрел. Разгулы предусмотрительно остались у подножия.

Едва отдышавшийся Попович радостно передал командование Илье.

– Ну что, други моя, – зычно воззвал Илюша к соратникам, – не пора ли перейти к заключительной части плана?

– По мордам? – догадливо осведомился Задов, болезненно морщась и озабоченно потирая место укуса.

– По им, по им самым, по вражеским по мор-р-р-дасам! И ур-р-ра!..

С этими словами Илья отбросил в сторону ножны меча-кладенца, сорвал с себя остатки кольчуги и, по пояс голый, поигрывая мечом в руке, ринулся вниз. Пяток шагов спустя богатырь споткнулся и дальше спускался кубарем, оставляя за собой фарш из раздавленных гоблинов, орков и волколаков. Казалось, что с холма внезапно сорвалась и понеслась вниз бронированная сенокосилка.

Первым за Ильей с внезапной пеной у рта – в траве попался мухомор – и победно развещающим хвостом последовал так и неоседланный Сивка. Но и однополчане ненадолго оставили Илью в одиночестве, скатившись следом кто с традиционным «ура!», кто со ставшим внезапно весьма популярным «по мордам!».

Ставшие невольными заложниками своего любопытства, не выдержали и аборигены. Похватав припрятанные загодя колья и рогатины, они окончательно определились в политических симпатиях и решительно присоединились к битве. На холме остались только старцы да отроки.

Произошло и еще одно, совершенно неожиданное для всех участников завязавшейся свалки событие. Из-за реки на мосту внезапно появилась пара рыжеволосых мужиков, одетых в зеленые гольфы, порты и рубахи. Вооружены они были бейсбольными битами и, ударив разгулам в тыл, совершенно запутали ситуацию. То были ирландские подпольщики.

Совместная атака дружинников, русской нелюди, деревни и неожиданного подкрепления была воистину страшной. Семь английских и шотландских баллад, три ирландские саги, одна былина и восемнадцать анекдотов, посвященных этому бою, до сих пор пылятся в местных библиотеках всех смежных реальностей.

⁶ То же что и «Атас!».

Великолепен был Соловей, глушивший молодецким посвистом своих и чужих без разбора. Героями себя выказали крестьяне, поднявшие на вилы и рогатины полтора десятка растерявшихся волколаков, неустрашими оказались местные княжеские дружинники, которые на пару добыли девятнадцать эльфийских ушей – с сережками и без.

Отличился и Сивка. Двести сорок семь разящих ударов полновесным копытом нанес он врагам хозяина, тридцать один из них – с летальным исходом.

Кузнецов, Попович, Ермак... Что за имена! Что за люди! Великолепная тройка семь с половиной минут перекрывала отступление на мост разрозненным подразделениям супостата, вынуждая его вновь и вновь бросать свой авангард в гибельные атаки.

Не обошлось и без потерь. Героической смертью пало на поле брани Одноглазое Лихо-старшее, оставив круглыми сиротками дочурок своих – Лихоимку и Лихоманку.

Загнав к реке и обхватив пятиаршинными дистрофичными руками обезумевших от ужаса ушастых и уже безухих эльфов, Лихо глоток за глотком сосало их неизбывную первожденную тоску. И усосалось до смерти. Но ушла тоска из мутных душ эльфов, а с ней ушла и их вечная злоба на смертных. С той поры нет на свете существа душой чище эльфа. Веселый и беззаботный, шныряет лесной народец в заповедных лесах. В Лукоморье в годовщину битвы, правда, их иногда давят – в память о Лихе.

Были и другие утраты, скорее даже не утраты, а повреждения. На двести сорок восьмом ударе подвернул заднее копыто Сивка. Легко ранили поганое Идолище. А еще сломал палец, ковыряя в носу, пятилетний внучок старосты. Да местного деревенского стукача Гнуса-правдолюба извели. Свои же и прибили. «Семь бед – один ответ», – только и заявили местные, когда Илья прибежал на крики Гнуса о помощи. Само собою, были многочисленные синяки и ссадины, да кровоточащий укус на шее у Левы.

Что касается личного вклада в победу самого Задова, то он оказался ограничен лишь гибелью вампира, потому как в бою от Левы, как от прокаженного, шарахались все – даже свои. Впрочем, единственный знаковый триумф Задова стоил многого и был дороже десятка других успехов дня. Ах да, мы же совсем позабыли об удачном выстреле Задова!

Кстати, Муромец до разгулов всерьез так и не добрался. Помял, потрепал, вмятин им на латах понаделал, но не добрался. Одному титановый гульфик отсек, с другого молодецким ударом сбил шлем, однако ушли бродом конные разгулы. Бросился Илья к Сивке, а тот виновато копытами разводит, а на левое заднее ступить не может – подвернул. Вправил Илья ногу Сивке и пошел искать тролля.

О горном тролле, с трудом добравшемся до вершины холма, в пылу схватки все как-то и позабыли. Но нашел Муромец его именно на холме. В неприметной просевшей ложбинке, поросшей лопухами, тролль сидел у ног какой-то покосившейся каменной бабы и горько рыдал. Рядом с троллем, сердобольно похлопывая его по плечам, стоял довольный староста.

– Матушка это его, – пояснил Кучок Илье. – Узнал, болезный. Сердце подсказало. Оно и впрямь что-то фамильное в рожах есть. Отвратные рожи, тьфу... А ты поплачь, детинушка, поплачь. Чай, и у тебя сердце есть. А то и оставайся с нами, за могилкой родимой походишь. Ей присмотр нужен. Нам-то, сам видишь, недосуг, вот град городить округ деревни будем. И нам ты поможешь. Все одно ты, чурка каменная, без толку валунами швыряешься, а тут и при деле будешь, и при почете. Грамотку тебе справим чин по чину, зарегистрируем. Перепланировку я удумал, – опять пояснил Илье староста. – Надоть бы нам таперича вокруг меня кучковаться, ежели врага теперь ждать неоткуда. Нам с парнем этим теперь и князь наш не страшен. Сам, глядишь, в бояре выбьюсь да пчел разведу. Городом станем, вона.

У холма послышался возбужденный гул – уставшие победители тяжело поднимались в гору.

Илья собрался было уточнить у старосты будущий статус спустившегося с гор тролля-приемыша, но в этот момент за его спиной раздалась сочная оплеуха, а затем и еще одна

– куда звонче и сочнее. Николай обернулся – между Алешей и Идолищем явно назревала потасовка.

– Чего не поделили, союзнички?

– Да вот, Илья, трофею я взял. А эта гада поганая, сиречь Идолище, отнять норовит.

В левой руке у Алеши трепыхались два донельзя субтильных орка-оруженосца с мохнатыми ногами.

– Что за недоноски?

– Мы не недоноски, мы полурослики, – истерично взвизгнул недоносок повыше.

– При каких обстоятельствах задержаны? – поинтересовался Илья у Поповича.

– В бою не участвовали. Этот вот, правда, с перепугу на Идолище полез. А опосля уже сцепились меж собой, друг у друга кольцо вот это выдирали. Аж клочья летели. – Алеша небрежно перекинул Илье кольцо. – И все что-то про всевластье трепались. Я их к тебе потащил, а тут и идол этот прихромал. Кольцо ему мое трофейное, что ли, приглянулось?

Потирая посиневшую левую щеку, Алеша негодуя кивнул на стоящее подле Идолище, на правой скуле которого проступал здоровый синяк.

Идолище возмущенно всплеснуло руками:

– Да подавись ты кольцом этим! Ты мне гаденыша отдай. Он мне в задницу ножиком своим перочинным ткнул, щенок. Кабы в грудь, то все по-честному, а то в это, в спину, понимаешь. И ведь чешется-то как, зудит не по-нашенски.

Поганое Идолище предъявило небольшой клинок, сиявший ровным голубым светом.

– Эльфийский! – со знанием дела констатировал Соловей, перекидывая клинок Илье.

Тот согласно кивнул и, понимающе переглянувшись с Соловьем, с печалью глянул на Идолище, нервно почесывающее левую ягодицу.

– Ты вот что, Идолище, того, будь мужиком...

Идолище побледнело и замерло.

– Никак заговоренный клинок-то?

Алеша испуганно перекрестился, Соловей понурился, Ермак тяжело вздохнул, а Илья сокрушенно кивнул головой:

– Две недели из кустов не вылезешь. Все симптомы дизентерии. Противоядия нет. Даже спать на клозете будешь. Полмесяца – это как пить дать.

– Пить нельзя, – поправил Илью Ермак. – От спиртного он на весь месяц там застрянет.

Идолище пошатнулось, прислушалось к утробно и требовательно забурчавшему желудку, нервно сглотнуло, но устояло.

– За оплеуху ответишь, – требовательно кинуло оно взгляд на Алешу. – Через две недели. Здесь, у моста. Без секундантов.

Попович ухмыльнулся. Искорки невольного сочувствия в глазах его сменились ироничным бешенством, вполне обыкновенным в ситуации, когда дело касалось тонких вопросов богатырского дуэльного кодекса:

– Я тебе на пипифаксе свой картель ⁷ пришлю. Наизусть выучишь, пока поправишься.

В ответ на грубый солдафонский каламбур Идолище свирепо оскалилось, но тысячелетняя отравка премудрых эльфов взяла свое – поддерживая живот, поганец устремился в ближайшие кусты.

– Теперь с союзниками нежданными поговорим. Угу, с междоусобицей разобрались, – довольно хмыкнул, потирая руки, Илья.

Два рыжеволосых мужика, одетых во все зеленое, уверенно выступили вперед.

– Ирландцы мы, – пояснил первый. – За нашу и вашу свободу. Прослышали о походе, решили размяться. Обмен опытом и интернациональная помощь, стало быть.

⁷ Картель – вызов на поединок.

– Толково,– понимающе кивнул Илья.– Вы ежели что, только свистните. В долгу не останемся. Свифту низкий поклон.

Мужики степенно откланялись и удалились.

– Так, отвечайте теперь, что это за кольцо такое всевластное?

Полурослики молчали, как мальчиши-кибальчиши на допросе у буржуинов.

– Илюша! – неожиданно завопил, срывая голос, Кузнецов, сам слегка опешив от своего мерзкого фальцета.– Сивку убили, Сивку, друга моего единственного, насмерть убили!

Грустно разглядывавший свое левое заднее копыто Сивка с неприязнью покосился на Кузнецова, потом покорно вздохнул, опрокинулся на круп, раскинув ноги в стороны, и тяжело и часто задышал, с ненавистью имитируя близкую агонию.

– Держи его, Илья – не трогаясь с места, вяло включился в игру Задов.– Не пускай, он припадочный, прибьет ведь недоносков.

Кузнецов вырвал из рук Алеши мохнатого орка поупитаннее, повалил на землю и, выпрямившись, спустил тетиву трофейного арбалета. Стрела обожгла полурослику щеку, и тот сразу поплыл. Полурослик горько и безутешно заплакал. Всем – и даже Соловью-разбойнику, притворно державшему Кузнецова,– почему-то стало неловко.

– Слышь, карла, ты того, не плачь.– Илья, порывшись в своей полотняной сумке, вытащил из нее золотистое яблоко, вздохнул, секунду помедлил и под осуждающим взглядом Кузнецова протянул недоноску.– На вот, погрызи покуда. Звать-то тебя как, болезный?

– Сэм,– глотая сочную мякоть пополам со слезами, пролепетал недоносок.

– А меня – дядя Илья. Ты, сынок, не ерепенься, сказывай мне про кольцо все чин по чину. А то, вишь, дядя Коля у нас на голову оглоушенный. Не скажешь – сдаст тебя он в этот, как его там у вас, дом работный.

Сэм вздохнул, грустно глянул на второго недоноска и коротко пересказал Илье свою историю ⁸...

– С тех пор вот и шатаемся по свету, не знаем, кому это кольцо сбегать. Ноги шерстью обросли, у Фродо уже крыша поехала, подсел так капитально, что «моей прелестью» всех подряд называет, даже дядю Оскара Уайльда. Гэндальф от нас на темную сторону свалил, вулкан потух давно, эльфы как от чумных шарахаются. Гоблины и те вслед плюют. Сунулись было к Тому Бомбандилу, а он на нас волкодавов спустил. Что делать-то нам, дядя Илья?

– Да брось ты этого Фродо, паренек. Пусть себе шастает один, коли так приспичило. У тебя что, дел дома мало? Девка твоя небось все глаза выплакала дожидаясь.

– Не могу, дядя Илья, бросить. Я хоббит, я честное слово сдуру дал.

Соловей удивленно поднял мохнатые брови, а Попович впервые за весь допрос глянул на недоноска вполне доброжелательно.

– Ишь ты,– процедил он в редкие рыжие усы.– Нечисть нечистью, а понимание имеет. Илья вздохнул.

– Ладно, малыш, не скули. От честного слова я тебя освобождаю. Как старший по званию и возрасту. А Гэндальфу этому хитросерому передай, чтобы народец ваш в покое оставил и детей из дома больше не уводил. А я кольцо на склад нашему дяде Хохелу отдам, там его никакой ваш Самурай ⁹ не сыщет.

– Там его никто не сыщет,– проворчал в сторону Задов.– Шандец колечку... На Привозе толкнуть – тоже надежно было бы.

⁸ См. «Властелин Колец» Толкиена.

⁹ Илья имеет в виду Сарумана. См. «Властелин Колец» Толкиена.

Попович с легким подзатыльником отпустил обмякшего Фродо, и тот, привычно причитая «моя прелесть», горестно побрел к мосту, поддерживаемый под руки заботливым Сэмом.

– Прощайте, дядя Илья. Спасибо вам за доброту вашу, за ласку...

– Говорил же, лакейский народишко, – резюмировал Задов. – Хозяин еще тот кадр, с комплексом искупителя грехов человечества, а слуга – явный мазохист, если не хуже.

Илья недовольно пожал плечами и, с трудом втиснув мизинец левой руки в полученное кольцо, скептически его осмотрел.

– Ну и как ощущение? – поинтересовался Задов.

– Жмет, – с трудом стаскивая колечко, поморщился Муромец. – Лады, сворачиваемся, вызывай карусель.

Илья еще минутку в нерешительности помедлил, потом, нахмурившись, шагнул к Соловью и, глядя в сторону села, небрежным и вялым аристократическим взмахом протянул ему руку:

– Благодарствую, однако, землячок...

Соловей так же свысока сунул Илье свою лапищу, развернулся и зашагал в лес. По его спине, однако, было хорошо заметно, что внимание Ильи ему польстило. Местные сельчане и дружинники минутку-две оторопело глядели ему вслед, затем спохватились и, похватав дубье и колья, бросились следом.

– Уйдет, – хмыкнул Алеша. – Не впервой гаду.

Кузнецов небрежно бросил вещмешок на дощатую платформу карусели и слегка просел на правую ногу – на плечо его легла тяжелая рука Ильи.

– Слышь, Колян, не обижайся, ты, конечно, мужик свойский, но, если ты еще хоть раз Сивку в свои оперативные игры втянешь, я тебе ноги выдерну. У Бурки моего тридцать девять задержаний на девяти пространственно-временных порубежьях. Он у меня таких гоблинов... гм-м, топтал, что тебе еще двести лет до него ветеранить... Понял?

Кузнецов молча кивнул и кинул взгляд на безмятежно пасущегося поодаль Бурку. Конь недовольно фыркнул, коротко и ехидно заржал, нагловато подмигнул Кузнецову лиловым глазом и растворился в репейнике.

– А вообще-то ты, Колян, молоток, есть хватка. Будет из тебя толк. Научу я тебя рубить супостата по-македонски, поднаберешься опыта, и цены тебе не будет. Реальность эта заштатная нам вообще-то и не нужна была, да только комиссар наш просил тебя в деле пощупать. Таперича, однако, мы тут – будь покоен – закрепимся, да и разгулов-затрапезников осадить стоило. Опять же над ушкуйниками нашими лукоморскими контроль тут надобен.

Карусель скрипнула, и над безмятежной речкой Смородиной поплыли знакомые слова песни «То не грозное небо хмурится, не сверкают в степи клинки...». Илья довольно хмыкнул. Выпрыгнувшая из реки русалка легко сделала над Калиновым мостом в воздухе безукоризненный кульбит, махнула дружинникам рукой и без всплеска вошла в воду.

«Десять баллов!» – вздохнул Попович, оценивая опытным взглядом то ли прыжок блондинки, то ли ее бюст, и привычно прикрыл глаза. Ярмарочные карусели он ненавидел с детства. От монотонного кружения на одном месте и пестрой лубочной росписи Алешу, как правило, тошнило.

Глава 3

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

— ...А потом они поймали господина Соловья в мэрии, где товарищи Попович и Никитич держали его за руки, а товарищ Муромец прилюдно выбил ему вставные золотые зубы. Счет от дантиста нам уже поступил. Так что товарищеский суд гражданину Муромцу на этот раз обеспечен. И никакие прежние заслуги, Илья Тимофеевич, вам не помогут... Трое суток домашнего ареста всем троим. Так. Закончу хорошей новостью.— Командир резко повеселел и, ласково прищурившись, обвел взглядом враз насторожившиеся лица.

В штабной палате, расписанной суровыми ликами ветеранов а-ля палех, моментально установилась кладбищенская тишина.

— Ну-с, орлы... Или никому не интересно, что за праздник пришел на нашу улицу?

Ответом было злобное молчание. Наученные горьким опытом предыдущих совещаний, все знали, что хорошие новости были глобальным и законченным свинством, которое им обычно пытались преподнести в наиболее удобоваримом виде.

— Итак, господа и товарищи, нам ввели новую штатную единицу — командующий военно-морскими силами.

— Бегущий по волнам,— донеслось из угла палаты.

— Кто-то хочет дать развернутый комментарий на гауптвахте? — поинтересовался начальник отряда.

Желающих не нашлось.

— Какие будут предложения? Естественно, конструктивные,— уточнил командир.— Или вы сговорились в молчанку играть? Я же не с потолка взял эту должность. Это приказ.

С этими словами начальник отряда выразительно кивнул на потолок, а потом зачем-то заглянул под стол.

— А зачем нам отдел военно-речных сил? — спросил вольный сын казахского народа Батырбек.

— Военно-морских сил,— поправил командир.— И я очень рад, что хоть кто-то радуется за общее дело. Будем считать вашу кандидатуру утвержденной. Спасибо, Батыр, что вызвались добровольцем. Начальника штаба попрошу оформить приказ по отряду и довести до всего личного состава.

— Православные! Что творится-то? — неожиданно для всех истошно запричитал вольный сын степей.— Грех на душу берете! Не простится вам...

После этих необдуманных слов неотвратимо, как цены на горячее, из-за стола стал подниматься насупленный Малюта.

— Воздержитесь, товарищ Скуратов,— строго осадил командир маэстро заплочных дел.— Не надо братоубийства.

— Не брат он мне... — хрипло выдохнул Скуратов.

— Я не умею плавать, не умею эта... ходить под парусом,— канючил Батыр.— Я в степи вырос, кумысом вспоен, верблюжьей колючкой вскормлен.

— Жизнь научит. Да и мы поможем, не так ли, товарищи? Навалимся всем миром,— приободрил новоиспеченного флотоводца Задов.

— Не надо наваливаться, лучше отправьте на передовую,— выл Батыр.— Знаем мы вашу помощь. Костей потом не соберешь.

— Отправим, отправим. Даже не сомневайтесь. Всему свое время. Кстати о парусе... Он вам, пожалуй, не понадобится, как и прочий такелаж. Отдел снабжения подберет что-нибудь понадежнее. На дне достаточно раритетов.

– «Титаник» сгодится, – донесся из дальнего угла озвученный знакомым голосом доброжелательный совет.

– Да кто ж там не угомонится-то! – в сердцах бросил командир. – Все. От имени и по поручению поздравляю нашего начвоенмора с высоким назначением. Даже не сомневаюсь, что он справится. Свободны, орлы. А вас, товарищ Скуратов, я попрошу остаться.

Первым из штабного зала вышел Батырбек. Он демонстративно попытался хлопнуть дверь.

Но во всем нужна практика. А так как в юртах вместо дверей только полог, то для Батыра демонстрация обернулась унижением. Он преболно прищемил себе пальцы и теперь остервенело дул на них, раздумывая, не взять ли больничный лист. За обозленным военмором, весело переговариваясь, потянулись остальные. Более всего народ недоумевал по поводу будущего нового транспортного средства. В конце концов все решили, что карусель собираются поставить на давно обещанную профилактику.

* * *

– Докладывайте!

Малюта Скуратов вытащил из планшета карту океана, испещренную крестами и знаками вопроса, и расстелил ее перед командиром. Начальник контрразведки не отличался особым красноречием, справедливо полагая, что специфика службы придает его словам особый вес.

– Так что подобрали для нашего Батыра-морехода? – обеспокоился командир и внимательно посмотрел на Малюту. – Имейте в виду, пока нам ни черта не ясно. Задание на острове Буян из серии «поди туда, не знаю куда». Точных координат мы не знаем. Остров видели те, кто в четверг после дождя двигался курсом на свист раков. Упоминают еще какие-то Стекланные рифы.

– Что от нас-то надо? – мрачно поинтересовался Малюта, с молодых ногтей не выносивший туманные намеки.

– Задача-минимум – высадить десант. Он будет действовать на месте по обстановке. Более конкретного ничего нет. Реальность эта нетронутая. Видели остров считанные единицы. Единственным, кто осмелился высадиться на нем, был какой-то поморский рыбак Ивашко Дуйдоветру. Он-то и оставил известный вам берестяной мемуар о Стекланных рифах.

– До рифов еще добраться надо, – веско заметил Малюта.

– Ситуация с каруселью вам известна. Я, кстати, жду доклада уже завтра. У нас подобного ЧП с транспортом не было лет триста.

– Занимаемся, Дмитрий Евгеньевич...

– Ладно, замнем пока. Итак, для высадки нам ввели военно-морские силы. Это раз. Товарищ Батырбек – отныне опытный мореход, это два. Шаман у него в друзьях ходит – это три. Я ничего не упустил?

– Может быть, Латын Игаркович и впрямь на амулет расщедрится, – согласно кивнул Малюта.

Прижимистость отрядного религиоведа была всем прекрасно известна, хотя, надо отдать молодящемуся старику должное, его регулярные камлания и проповеди вызывали нездоровый интерес даже у местных атеистов.

Выпросить что-либо из предметов культа сверх лимита у отрядного священнослужителя было невозможно. В ответ на любую просьбу Латын Игаркович тут же демонстративно

забывал русский язык и начинал задумчиво постукивать по бубну. Острословы утверждали, что это полюбившаяся ему мелодия старого шлягера «Мы едем, едем, едем...» После исполнения Латыном «... в далекие края» все обратившиеся к нему спешили уйти, поскольку было замечено, что прослушавшие весь мотив целиком в ближайшие же дни отправлялись Владимиром во внеплановую командировку.

Один раз Латын Игаркович, несмотря на свой преклонный возраст и высокий сан, позабыл о смирении и настучал по бубну пьяному Задову, потребовавшему у Латына гарантий будущей реинкарнации. После этой некрасивой истории Лева стал самым воинствующим атеистом в отряде.

– Аналитиками Главка прогнозируется, что разведдесант благополучно доберется до точки назначения. – Командир начал ходить по кабинету взад-вперед. – Дальнейшее туманно, но лично я думаю, что они выполнят все, что потребуется. Есть мнение, что это очень важно для будущего данной реальности. Или для прошлого – без разницы нам, сам понимаешь.

– Я подобрал несколько вариантов морской доставки боевой группы. Все, на мой взгляд, достаточно подходящие.

Малюта положил руку на карту сплошного синего, без единого клочка суши, цвета и продолжил:

– Так как подготовленных кадров, за исключением нашего товарища Батырбека, у нас нет, то придется использовать транспорт и персонал из ближайшей реальности. Дело, конечно, мутное, нам непривычное, но добро получено. Итак, мои предложения...

Первое. Юго-западнее Исландии к востоку от Ньюфаундленда в начале сороковых немцы потопили эскадренный миноносец «Рубен Джеймс». Второе. Немецкая подводная лодка U-1277. Потоплена в Северной Атлантике англичанами. Третье. Русский броненосец «Петропавловск» подорвался на mine 31 марта 1904 года в Желтом море. Есть еще варианты, но это самые оптимальные.

– Не знаю, не знаю. – Командир потер ладонью небритый подбородок. – наших с «Петропавловска» тревожить ни в коем случае не будем. Американцы моряки еще те... А вот по подводникам попрошу доложить подробнее.

– Можно и подробнее, – согласно кивнул головой Малюта и достал из планшета справку. – Докладываю. Подводная лодка U-1277, тип: VII-с/41. Заложена 6 августа 1943 года. Спущена на воду 6 апреля 1944 года, командир капитан-лейтенант Отто Вендт. Один безуспешный боевой поход, потоплена 20 февраля 1945 года в Северной Атлантике британским сторожевиком «Аметист». Сорок девять погибших, весь экипаж.

– Н-да-с, – процедил Владимир, – походец, прямо скажем, так себе. Хилый походец. Плохая подготовка команды? Нет ли других экипажей?

– На грунте подлодок много, но у U-1277 на экипаже нет крови. Когда выхватим парней из глубин, ими будет легче управлять. А профессионализм у них на уровне. Архивы свидетельствуют: боевая подготовка флотилии «Веддичен», в состав которой они входили, осуществлялась по принципу «в море – дома». Потом, насколько я понял, торпедировать никого не надо, только доставить разведдесант на Буян, или я что-то упустил? – Малюта с надеждой глянул на командира.

– Нет, нет и еще раз нет! Никаких судов с невольниками из Африки топить не надо, ни американских, ни английских, – выставив перед собой руки, неожиданно засуетился командир. – Хватит самостоятельности.

Малюта незаметно и недовольно пожал плечами. Как и Задов, он был убежденным англофобом еще со времен возмутительного британского шпионажа в родной реальности эпохи правления Иоанна Грозного.

– Ну коли так – как скажете. А то, если есть какие-то дополнительные указания, мы всегда, только напомним. Лодка-то лежит на грунте с полным боекомплектом. – Малюта мечтательно закатил глаза. – Есть даже пара «крапивников», то есть, извините, акустических торпед. Можно и по надводным целям использовать.

Командир недовольно поморщился:

– Я, кажется, уже все сказал, Малюта Лукьянович, – никаких инцидентов в переходе. Взяли на борт, доставили, отвалили. Все. Меня интересует, кстати, ваши прогнозы насчет отношения экипажа к новому руководителю операции, нашему военмору.

– Уважаемый Батыр не тянет на чистокровного арийца в немецко-фашистском понимании. Но, к счастью, расовая политика на борту лодки не играла той роли, какая была ей отведена пропагандистами. И это я тоже учел, – закончил доклад явно довольный собой Малюта.

– И все-таки... Согласятся ли они сотрудничать с ним? Они в этом тысячелетнем рейхе отличались особым гонором. К ним подход нужен.

– У Батыра папа – чистый казах, мама – чистая узбечка, один дедушка – финн, другой из рода Тимуридов, – без запинки отчеканил контрразведчик. – Феликс Эдмундович за данные головой ручается.

– Чьей головой? – с понятным любопытством поинтересовался командир.

– Батырбековской, разумеется...

«Стильно работают, – уважительно оценил труд коллег командир. – Может, и мне уточнить, кто у меня был прапрапрадедушка... Впрочем, стоит ли? И так хорошего в жизни мало».

– Продолжайте, Малюта Лукьянович, продолжайте, прошу вас. Вас приятно слушать. Скуратов откашлялся и монотонным голосом забубнил дальше:

– Запом у Батыра пойдет обер-лейтенант Пауль Зиберт. Виноват, Кузнецов. У него два железных креста, в авторитете будет. Да и жетон гестаповский жуть и под водой наводит.

– С корабля на бал? Не рано ли парню? Может, еще на полигоне обкатаем?

– С бала на корабль, – вежливо поправил командира Малюта. – Да и надо ли его обкатывать? Все когда-то начинали. К тому же у Калинова моста он преотлично проявил себя. И прошлая биография у него – ой-ей!

– Слышал уже. Неделью назад получили ноту из Островного графства. Кстати, может быть, усилим группу богатырями?

– Илья наотрез отказывается плыть с потенциальными утопленниками по суеверным соображениям. Попович, сами знаете, кроме Ильи, никого уже не слушает. А Добрыню при одной мысли о море травит после его последней кругосветки с Магелланом.

– Ладно, Малюта Лукьянович, в целом я вами доволен. Ходовые испытания, торжественное поднятие флага назначаю на завтра. Доукомплектуйте группу и обеспечьте всем необходимым. Тут нам нужны такие, чтобы без глупых вопросов типа: «А зачем мне это, собственно, надо?» Инициативные нам нужны, волевые, решительные. – Командир разошелся не на шутку и опять начал размахивать руками. – Такие, кто может принять решение на месте.

– То есть взять ответственность на себя? – скептически уточнил Малюта.

– Вот-вот. Да, и подбодрите Батыра, а то настроение у него паническое. Пусть Баранов найдет хоть раз за всю свою жизнь пару теплых слов. Настрой должен быть на уровне, боевой. Торжественный митинг на причале организуйте, что ли?

– Все сделаем в лучшем виде, – уклончиво процедил Малюта, про себя подумав: «А зачем мне это, собственно, надо?» – Батыра подбодрим. Митинг проведем. После отбытия лодки для оставшихся на пристани – ужин с жареными поросятами.

Относительно Батыра Малюта Лукьянович не комплексовал. По богатому личному опыту он знал, что штык под задницу весьма эффективно действует на ипохондриков. От острого штыка настроение всегда поднимается. Оставалось только уточнить у Батыра, ипо-

хондрик ли он. А Коля Кузнецов в качестве заместителя не подведет уж точно: немцы ему как родные, ближе многих своих.

Надо признать, что, протежируя Кузнецова, Скуратов охотно доверился чутью своего личного консультанта – Феликса Эдмундовича, к авторитетному мнению которого он всегда внимательно прислушивался. Да и самому ему невольно импонировала в Николае решительность, твердая хватка, осторожная наглость и расчетливое безрассудство. Этих качеств лично за собой он никогда не замечал, но в других, как старый, но честный циник, всегда ценил.

– Хорошо, – подвел черту командир отряда. – Последний вопрос. Кого конкретно имел в виду Илья, когда говорил об утопленниках, – экипаж лодки или наш десант? Экипаж ведь в некотором роде уже того... Надо ему пояснить.

– Поясним, – понимающе кивнул Малюта, делая пометку в блокноте.

Час спустя в офицерской трапезной царило особое оживление. Народ кучковался за столиками, бурно обсуждая вчерашнее назначение и предстоящее задание, о котором ровным счетом никто ничего не знал.

Понятно было только одно: на острове придется выполнять непонятно что и неизвестно как. Даже по прежним меркам штабной безалаберности эта ситуация была из ряда вон выходящей. Буян был местом даже не легендарным, а, скорее, мифическим.

У стойки заколоченного сегодня из предусмотрительности бара царило особое оживление: заместитель по высокому моральному духу Баранов только что заявил, что впервые видел Батыра в библиотеке.

Утверждалось, что бек взял «Книгу будущих адмиралов», памятку ОСВОДа¹⁰ «Спасение на водах» и журнал свободных вакансий «Срочно требуются» и «Согласен на любую работу».

– Надо ему подсказать, как общаться с иноземцами, – послышался голос от столика, где сидели Нестеров, Дуров и Сусанин. – Это же проще пареной репы. Дык дави ему на глаз большим пальцем, пока по-нашенски не загутарит. Гы-гы-гы!

Когда в дверях трапезной показался Батырбек, народ как по команде примолк. В гробовой тишине, под издевательски участливыми взглядами, Батыр неуверенно проследовал к своему столику, где уже сидели Латын Игаркович и Хохел Остапович.

– Садись, сын мой... гм-м, заморенный, – небрежно двинув ногой резной табурет, прогудел Латын. – В ногах правды нет.

Подскочивший к столику дежурный по столовой услужливо скрипнул лаптями и протянул меню.

– Что закажем, Батыр Бекович? Борщик по-флотски? Гуляш потемкинский? Солонинки? Сей моментик оформим, ваш сиясь, не сомневайтесь. Все высшего качества. Эксклюзив. Только для вас.

В глубине зала кто-то откровенно заржал, но тут же осекся. В подавляющем своем большинстве народ Батыру не сочувствовал, но открытые проявления общих чувств отдельными выскочками пресекались сразу.

От гуляша батыр отказался. Стойко давась борщом с заплесневевшими флотскими сухарями, Батырбек молча слушал напутствия Хохела.

– Против ветра не плюй, – поучал бека Хохел. – Следи за крысами, они свое дело знают. Как побегут – значит, хана. Будешь травить – трави с подветренной стороны. Спасательный жилет носи с собой постоянно. Баб на корабль не води – у них, моряков, не принято. Только английской королеве можно, хотя какая она баба...

¹⁰ Добровольное общество спасения на водах.

– Все? – отставляя в сторону недоеденный борщ, поинтересовался батыр.

– Все, – секунду помедлив, твердо заверил бека Хохел.

Батыр не спеша допил компот, лениво встал, поднял тарелку с остатками борща и аккуратно, чтобы не облить Латына, надел ее на голову Хохелу. Провожаемый мысленным одобрением окружающих, Батыр выскочил за дверь с гордо поднятой головой, хотя в глазах его читалось полное отчаяние.

– Наш человек, – одобрительно заметил Илья приятелям, разливая по кружкам контрабандную медовуху из квасного жбана. – Вишь, как за честь бабскую заступился.

* * *

Подводная лодка стояла у пристани в десяти метрах от карусели, и ласковые волны с тихим плеском бились о ее камуфлированные борта. Поднявшись по сходням на борт, малочисленный отряд остановился перед строем подводников. Моряки тупо пялились на солнце, не обращая внимание на вновь прибывших. Пауза затягивалась.

– Не робейте, хлопцы, – прогудел Илья с пирса. – Пособим, ежели чаво...

Вообще говоря, настроение на пристани царило вполне подходящее случаю. Добрыня салютовал героям вполне уместным Рот Фронтом, Задов приветственно махал экипажу дружелюбной субмарины первомайским флажком, а сентиментальный Дуров даже всплакнул.

Остальные тоже хотя сдержанно, но выражали свои теплые чувства. Исключение составлял вечно чем-то недовольный Феликс, поджавший узкие губы, мрачный Малюта, умиротворенный Латын Игаркович и мстительный Хохел Остапович. Последний накануне наотрез отказался выдать десанту калорийный морской паек, симитировав внезапную ревизию. Сейчас его слегка терзало запоздалое раскаяние – на эту пропащую и потенциально пропавшую экспедицию он мог списать кучу разворованных продуктов и утерянного ранее барахла.

Тут случилось то, чего от Батыра никто не ожидал. Он молча стоял у рубки, но внезапно, повинаясь нахлынувшему чувству, военмор по приваренным скобам даже не влез, а взлетел на самый верх. Там, вцепившись в леерное ограждение, он окинул решительным взглядом свою новую команду. И без какого-либо перехода двинул речь, привести которую следует дословно.

– Камрады! – пронеслось над морем. – Драген нах ост!

Капитан субмарины резко потянулся к форменному ремню, где висеть должен был не то кортик, не то кобура с парабеллумом. Выступление Батыра подействовало: экипаж подводной лодки смотрел уже не на солнце, а на пухлого бека.

– Впереди нас ждет путь, полный невзгод и опасностей. За горизонтом лежат земли, которые я брошу к вашим ногам. Враг коварен, но слаб. Он будет разбит и разграблен нашим молниеносным броском. Очистим остров от инородцев!

Подводники перевели взгляды на провожающих, оцепенело застывших на пирсе.

– Запорю суку! Ремни из спины нарежу, – взвился Малюта.

– Следует поучиться, – раздался голос Киже, но, когда Скуратов обернулся, никого рядом не было.

– Прозит! – в гудящей толпе разлил Илья медовуху по стаканам приятелей.

– Не этот остров, камрады, – быстро поправился Батыр. – И только вам, людям чести, эта задача по силам. Неприятель будет разбит, и победа будет. Вы наследники тевтонских рыцарей. Будьте достойны славы ваших предков при Грюнвальде и Новгороде. Ура! С нами наши боги!

На пирсе пронесся вздох разочарования. Дело в том, что по ходу бековского выступления в толпе провожающих уже появились яростные спорщики, торопливо заключающие экспресс-пари. Большинство полагало, что в конце речи Батыр непременно крикнет «зиг хайль». Немногочисленные оппоненты возражали, что, имея в тылу часть командного состава отряда во главе с Владимировым, Батыр – при всей своей первозданной дури – на это не решится.

– Курс – тудысь! – буднично, но несколько неопределенно подвел черту вышесказанному Батыр, вскидывая вперед руку.

Затем бек зачем-то постучал скрещенными пальцами по металлу рубки и полез в люк.

Кузнецов подошел к командиру субмарины, расстегнул планшетку и наугад ткнул пальцем в карту. Отто только кивнул и повернулся к своему экипажу.

– По местам стоять, с якоря сниматься! – разнеслась из люка над морем команда-закливание Батыра.

В толпе на пирсе завязались ожесточенные локальные разборки: народ спорил, считать ли давешнее целеуказание Батыра нацистским приветствием, или нет.

– Тю, ну шо це за дурный хлопче, – крикнул Хохел, проспоривший Латыну полумесячный продпаек.

– Дурный-то дурный, однако... – усомнился было, но смолчал религиовед, торопливо благословляя отваливавшую от пирса лодку и переводя плотоядный взгляд на расставленные вдоль пирса и заваленные снедью столы.

Два часа спустя захмелевший командир отряда уже доедал на прощальном ужине последний кусок жареной свинины, когда неслышно подошедший со спины Малюта тихо шепнул ему на ухо: «Всех».

– Что «всех»? – подавился и закашлялся подполковник.

– Илья имел в виду всех: и экипаж, и десант, – уточнил Малюта, хлопая начальство по широкой спине.

* * *

Событийно Буян был островом неучтенным, фигурировавшим, однако, в фольклоре доброго десятка смежных реальностей. Открыл его в приснопамятные времена некий поморский рыбак Ивашко Дуйдовету, который спяну в небывалое даже для своих мест северное сияние вышел на хлипком баркасе поохотиться на моржей. Моржей Ивашко не добыл, но зато провалился в пространственно-временной колодец.

Как отважному рыбаку и охотнику удалось воротиться домой – это покрыто мраком. Ивашко, однако, вернулся и увиденное даже изложил на берестяной грамоте, которую год назад случайно обнаружили в монастырских подвалах Архангельска. Ничего путного из грамотки, впрочем, извлечь не удалось – излагал свои мысли Ивашко так же плохо, как и добывал моржей. Упоминал он, правда, Стекланные рифы и дракона. Прилагался к грамотке еще и кусок странной кожи.

Прочим мореходам посчастливилось и того меньше. На остров натыкались раз десять, однако исследовать не решались. Ничего необычного в этом не было – слава о Буяне ходила дурная. Даже то, что он не был отмечен на картах и лоциях, никого особенно не удивляло. И не такое случалось в жизни с мореходами – народом смелым, тертым и бывалым. Дурная слава же была в том, что когда иной капитан корабля все-таки собирался высаживаться на остров, то, как правило, тут же бесследно исчезал.

И все эти галеры, ладьи, эсминцы, минные заградители и прочие посудины на всех парях, под всеми парусами и на всех веслах отваливали в сторону и ложились на курс подальше от острова. Худая слава и название острова закрепились за этим клочком суши накрепко.

Лет сорок назад Скуратов, всерьез заинтересовавшись островом, вызвал из Лукомо-рья на профилактическую беседу в родные подвалы Кощея, чье имя подозрительно часто фигурировало в связи с Буяном. После десятиминутного душевного разговора обе стороны достигли полного взаимопонимания. Малюта, аккуратно поддерживая Бессмертного под локти, вывел его на белый свет, где тот уважительно и подобострастно попрощался со Скуратовым и, прижимая к разбитому носу платок, торопливо ушел.

А Малюта с чистой совестью доложил начальству о полной и абсолютной непричастности Кощея к дурной славе Буяна. Злобный старик, оказывается, об острове не имел ни малейшего понятия, а версию о хранимой там своей смерти распространял исключительно для прополки рядов потенциальных киллеров из числа придурковатых соискателей богатой славы.

* * *

– ...Пакет! Пакет! Где этот чертов пакет? – причитал Батыр, шаря по карманам и за отворотами сапог.

– За пазухой посмотри, – меланхолично заметил Лева, продолжая внимательно изучать горизонт.

– Точно, вот он, – успокоился бек, вытащил из-за пазухи пакет с двумя сургучными кляксами и поднял его, разглядывая на свет. – Печать командира на месте... А это чья будет – с бараном? Не поймешь даже: то ли баран на ней, то ли кошка. Рога есть, а зубы у него слишком большие, как клыки.

– Это личная печать заммордуха, – встрял Петька. – Чем выше должность, тем рога и зубы больше и острее. Вот у нашего комиссара в дивизии на печати должен был быть баран, а присмотришься – форменный тигр, только с рогами.

– Тут только листочек и кусок кожи. Так, читаем, – вскрыв пакет, зашевелил губами Батыр. – Цель операции – высадка на острове Буяне. Остров узнаете по двум камням, указывающим проход в бухту. Камни похожи на надгробные плиты, поставленные вертикально. Иногда на них появляются надписи на неизвестных языках. Это единственное место, через которое можно попасть на остров. Со всех остальных сторон он окружен отвесными скалами и коралловыми рифами. Вход в бухту изображен на карте. Постскрипtum: возможно прибытие группы поддержки.

– Немного, – подвел черту Кузнецов. – Но и то хлеб, хотя и эрзац.

– Покажи пергамент, – потребовал Лева, в глубине своей черноморской души оскорбленный новым назначением Батыра. – Действительно два надгробия и проход между ними. Кожа странная, никогда такой не видел. У дядьки моего, кожевника, я всяких сортов повидал – такой не было. А вот чешуйки какие-то. Драконья кожа.

– Охота на драконов запрещена, – печально заметил Батыр. – Потому как предпоследнего Алеша пришиб. Вымерли они, ящеры, кроме нашего Горыныча. Странно все это. Нехорошо как-то.

– А что это за поддержка такая в боевом походе? – встрял Петька.

– Не припомню я никаких поддержек, кроме мата по блюдцу, – ответил Задов. – Зябко тут. Пошли в каюту.

Небо затянуло набежавшими тучами. Собирался дождь.

Кузнецов отправился на командный пост познакомить Отто с последними новостями и уточнить курс. Командование отряда предусмотрительно рекомендовало не называть морякам пункт назначения: экипаж должен был узнать о нем уже в море. По мнению военных психологов, томительное ожидание всегда поднимает боевой дух.

Остальные отправились темными переходами в каюту. Тусклые лампочки, как водится, горели через одну. Поминутно стучаясь о переборки и цепляясь за койки, Петька догнал Батырбека и Задова только у входа в отдельную каюту. Побратимы стояли перед дверью, внимательно изучая нацарапанный на ней непонятный знак. По почерку было заметно, что пакостили тут впопыхах.

– Это руна «оме», означает смерть, – нарушил молчание Батыр. – Плохой знак. Кто-то нам зла желает. Сейчас враз поправим.

С этими словами Батыр вытащил из-за голенища сапожный нож и, пытаясь от удовольствия, начал что-то усердно вырезать поверх руны.

– Полезная вещь, – одобрительно посматривая на ножик, заметил Задов. – Не лишний аргумент в споре. Оппоненты редко к нему готовы.

– И вот так! Теперь все в порядке, – сказал Батыр, любуясь на два замысловатых знака, вырезанных поверх руны смерти.

– Не считите за труд объяснить, – Петруха, когда волновался, переходил на высокий стиль.

– Вот эта руна «хагал» обозначает разрушение, а эта, похожая на зигзаг молнии, «сис» – победу, – охотно пояснил бек, отступая назад и сочно стучаясь головой о переборку. – Они нейтрализуют символ мелких неудач и смерти. А все три вкупе предрекают обитателям каюты только успех в будущем и настоящем.

Задов наострил уши, и довольный бек продолжил:

– Арийцы балуются тем, в чем практически ничего не смыслят. Мнят, неучи, из себя потомков гиперборейцев. А вообще-то все эти древние германцы в шкурах бегали, когда мои прямые предки из рода Тимуридов благосклонно поощряли строительство обсерваторий. А от рун, хоть это, спору нет, и сильная вещь, мы таки отказались. Арабская вязь лучше передает поэзию слова. Руны для косноязычных дикарей. – Батыр осекся под пристальным взглядом Задова. – Ну типа того, слышал краем уха...

– А ты не так прост, бек. Если не ошибаюсь, династия Тимуридов идет от самого Тамерлана? Но у тебя разве не казахско-финские корни? Или я ошибаюсь?

– Не ошибаешься! Курляндские мы, – буркнул Батыр.

– Кузнецов говорил, что руны в третьем рейхе изучали только эсэсовцы, – непринужденно обронил Петька, продолжая разглядывать наддверные узоры. – Среди моряков таких быть в принципе не должно.

– Да, похоже, не все мы знаем об этом экипаже. То, что лодка в боевых действиях не участвовала или просто не успела, еще ничего не значит. Могли быть у нее и другие задачи, – озабоченно произнес бек.

Они зашли в каюту.

– Плевать, – прогудел Лева. – Пора устраиваться спать. Давайте обживать эту каморку. Никто не возражает, если я на верхнюю койку? Петька, хватит стучать ногой.

– Я в галюн хочу, – блеснул познанием морских терминов Петька.

– Во втором отсеке от нас, справа, дверь зеленая, – авторитетно посоветовал Батыр.

– Иди на запах. Не ошибешься, – посоветовал Задов. – Туалеты, или галюны, пахнут во всех армиях одинаково.

Последних слов Петруха не услышал. Он уже был за дверью. Вернулся он, правда, так же быстро, как и ушел. Одной рукой осторожно прикрыл дверь, другой прикрывал лицо. Под правым глазом у парня наливался классический синяк.

– Что случилось? Кто тебя так? – вскочил Лева.

– Понятия не имею. Рожа кра-а-асная, закурить попросил, а потом спросил: «Почему без шляпы?» – Я рта не открыл, а он хрясть по морде и убежал.

– Догнал?

– А найди его, гада, в потемках...

– Рогов не было?

– Да вроде нет.

– Значит, не заммордух.

Батыр, внимательно выслушавший этот абсурдный диалог, счел необходимым, зевая, уточнить:

– Объясните, при чем здесь рога...

Задов улыбнулся:

– Ты что, не замечал разве, что Баранов всегда ходит в фуражке? А на совещаниях в штабе садится только в темный угол, где не видно, есть рога или нет. Только пара красных глаз горит.

– Может быть, это и есть поддержка в походе, о которой написано в пакете? – поинтересовался Петруха.

– Ага, моральная. Для поднятия боевого духа. Мол, не забыли, помним о вас, – заржал бек. – Теперь будешь смотреть в зеркало и вспоминать отцов-командиров.

– А если серьезно, то я полагаю, что это из Лукоморья нечисть безобидная просочилась, – высказал оригинальную догадку Задов. – Вчера на шлагбауме Дуров дежурил, а у него к нелюдям сердце доброе.

– Да-а, безобидная! Вам бы так. – Петькин глаз заплыл уже окончательно.

– Спи давай, – лениво потянулся Задов, отворачиваясь к переборке.

– Не могу найти выключатель, – сказал Петька, шаря рукой по стенке рядом с дверью. – Товарищ бек уже спит, ему все нипочем. Вы внизу, а мне прямо в глаза, то есть в глаз светит.

– Да угомонись наконец, беспокойный ты мой. Нет здесь никаких выключателей, дежурное освещение постоянно горит, – вздохнул Задов, усаживаясь в койке, снимая и аккуратно вешая на раскладную походную вешалку свою тельняшку. – Отбой!

* * *

– К всплытию! – раздался крик Батыра. – Комендоры, к бою! Ютовые – на бак, баковые – на ют, остальные – по шлюпкам.

– Огонь! – вполголоса резюмировал Кузнецов. – Всем доброе утро.

– Нашему адмиралу приснились морские страшилки, – весело пояснил он ничего не понимающим спросонья Задову и Петьке.

Кузнецов выглядел как свеженький огурчик с утренней августовской подмосковной грядки, хотя за версту от него разлило смесью дешевого шнапса и французского коньяка.

Николай вернулся в гостевую каюту только под утро. Всю ночь, распевая боевые песни и марши, они вместе с Отто не покладая рук прокладывали курс в неизвестность. Особой популярностью в германо-славянском дуэте пользовались «Дойчен зольдатен унд официрен» и «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин».

Хитом бессонной трудовой ночи стала же, конечно, «Катюша». Этой ночью «бойцу на дальнем пограничье» привет от Катюши был передан ровно семьдесят три раза. Передан с чувством, притопываньем и прихлопываньем, передан доходчиво, хотя не всегда внятно.

Теперь Николая мучило только при одном этом женском имени. Он никогда раньше даже не подозревал, насколько оно ему антипатично.

Впрочем, ночное братание имело и свои положительные стороны. Во-первых, в час ночи Кузнецов выяснил, что экипаж к резкому повороту в своей судьбе отнесся философски, полагая, что плыть неизвестно куда под командованием жирного красноречивого казаха гораздо лучше, чем гнить на дне. Из речи Батыра при отплытии нижние чины уяснили, что основные приоритеты их служебно-боевой деятельности не меняются.

Во-вторых, в два часа ночи Отто признался, что всем авторам сказок в мире он предпочитает братьев Гримм и Пушкина, а теория расового превосходства претит его прусскому аристократизму своей банальностью.

В-третьих, в полпятого утра прусский аристократ согласился наконец, что Берлин стоит на месте славянской деревушки, о чем неоспоримо свидетельствуют археологические находки.

Была, правда, одна мутная клякса на чистом листе наладившихся взаимоотношений. Отто явно порывался высказать что-то наболевшее на своей совести и, наверное, все-таки высказал бы, но тут у заработавшихся офицеров очень несвоевременно кончился даже спирт.

* * *

Толкаясь и задевая друг друга локтями в тесном кубрике, десантная группа оделась и в полном составе вывалилась в коридор. До трапа, ведущего на палубу, добрались без происшествий, только замыкавший колонну Петруха, озираясь в особенно темных местах, несколько раз душевно наступил Задову на пятки. Тот сопел, но пока молчал.

Стрелка глубиномера стояла на нуле. Кузнецов рывком приподнял крышку люка, и в глаза его брызнуло ласковое солнышко. Головы товарищей слегка закружились от свежего воздуха.

На мостике всплывшей лодки стояла пара матросов и офицер дежурной вахты. По палубе прокатывались волны. Был на мостике и Отто. Обхватив голову руками, он слегка постанывал, но, заметив Николая, выпрямился. Ясно было, что спать он в эту ночь так и не прилег. Кузнецов сочувственно кивнул и незаметно сунул подводнику флягу, к которой Отто приложился незамедлительно и основательно.

– На месте мы, – икнул Отто, кивком благодаря Николая и возвращая ополовиненную флягу. – Вон та черточка на горизонте и есть ваш остров.

– А где же рифы? – удивился Кузнецов. – По оперативным данным, тут рифы есть стеклянные.

– Может быть, это не тот остров? – с надеждой поинтересовался Петруха.

– Тот, – мрачно заверил Отто, с сомнением поглядывая на флягу, которую Николай продолжал держать в руках. – А рифы твои я прошел пару часов назад в подводном положении. Ты глянь на лодку, лейтенант.

Расплющенный нос субмарины и впрямь заслуживал внимания. Кузнецов с невольным уважением посмотрел на профессионала подводных трасс и опять протянул ему флягу: «Пейте, мой скромный товарищ...»

Отто благодарно икнул, деликатно отпил еще четверть фляги и, уже не возвращая ее, коротко пояснил дальнейшие действия:

– В дрейф ложиться не буду. На малом ходу пойду. Курс мне ясен, а там уже ваша очередь.

– Стоит отвлечься – стервятники над тобой уже кружат, – через губу процедил Батыр, брезгливо счищая с рукава халата желто-белое пятно – привет от залетной чайки. В качестве щеточки он использовал заячью лапку – подарок религиоведа Латына.

– А горизонт вот чист, – злорадно доложил Лева, переводя бинокль с бека вдаль.

Солнце выкатилось на небосклон; ирреальная красота утра захватывала дух, но и подчеркивала величавую угрозу, таившуюся в громаде пламенеющих облаков.

Постепенно выяснилось, что в это время года в этом полушарии особенно свирепы циклоны. Но опасности они не представляют ни малейшей, как гордо заверил Отто, которого постепенно окончательно развезло и пробило на словоохотливость. Подстегивал его и тот факт, что Батыр, стоявший, как и подобает каждому начинающему адмиралу, чуть в стороне, тщательно конспектировал каждое слово немецкого подводника.

– Если циклон нас захватит, наполним балластные цистерны забортной водой и уйдем на глубину. Там тихо, очень тихо. Главное в циклоне – не прозевать его начало и вовремя закрыть люк. Если люк не закрыть – будут неприятности. Но если люк закрыть, то неприятностей не будет, потому как закрытый люк – лучшая гарантия от всех неприятностей... Ну а если люк открыт настежь... Эй, салага, открой люк и дуй вниз!

Дежурный матрос уже трижды сбегал на камбуз за шнапсом для господ офицеров Николая и Отто, Задов давно ушел досыпать в каюту, а Батырбек исписал пятый лист, когда над длинными волнами с небольшими гребнями поплыл легкий, постепенно сгущающийся туман, в котором остров потерялся.

Время, пространство, информация, долг, даже шнапс – все внезапно потеряло смысл. Подводная лодка, казалось, растворилась в абсолютном невесомом ничто. В сиреновом тумане невидимым стал даже покореженный корпус субмарины. Умолк печальный плеск волн, растворилось в пелене смутное пятнышко солнца. Очарование, тягучее, как патока, овладело всеми на мостике, когда в полной тишине волшебство нарушил гнусавый голос Петрухи:

– Если со мной что-то случится, похороните меня в море. Пожалуйста.

– Зачем? – даже поежился Отто, невольно вздрагивая и застегивая бушлат.

– Ну развлечетесь заодно... Выйдете в море, возьмете водки и бросите тело в волны.

Все присутствующие на мостике смотрели на Петруху изумленными глазами, но тот, не замечая этих взглядов, печально, словно про себя, продолжал:

– Вот все вокруг думают, что знают меня хорошо. Думают, что уж Петька-то нас ничем не удивит. А тут скажут – похоронил себя в пучине... Это он совсем того...

– Боюсь, что так и скажут, – согласился Отто.

– Лишь бы говорили...

На этой жизнеутверждающей ноте невидимые чары развеялись. Время вздрогнуло и побежало вприпрыжку. На мостике снова появился Задов, который тут же принялся рассматривать изрядно подросший остров в цейссовский бинокль.

Когда подошедший вахтенный офицер особенно пристально начинал присматриваться к чуду отечественной оптики, Лева поспешно отворачивался в противоположную сторону.

День клонился к закату. Солнце садилось как раз за остров, и расквашенный рифами нос подлодки начал слегка рыскать, ориентируясь на близлежащее светило, как стрелка компаса – на север.

Об ошибке Отто теперь уже окончательно не могло быть и речи. Даже с расстояния в эти несколько морских миль Задов легко рассмотрел в бинокль две огромные, действительно похожие на надгробные плиты скалы и бледную полосу белых бурунов между ними.

Подлодка по команде пруссака резко прибавила ходу и теперь уверенно шла к цели.

– Проскочим! – азартно заверил Кузнецова вусмерть пьяный Отто, когда стало отчетливо видно, что по курсу между лодкой и островом находится вторая гряда рифов. Набегавшие с моря валы то обнажали их, то вновь накрывали кипящей и бурлящей пеной.

Они действительно проскочили. С противным жестяным скрежетом разогнавшаяся субмарина, пропарывая себе брюхо в направлении кормы и агонизируя, проползла по скалам, теряя свои механические кишки и истекая мазутной кровью.

Стоявших на мостике швырнуло вперед, потом назад, потом опять вперед. На Отто нельзя было смотреть без слез. Добросердечный Петруха даже протянул было ему свой наган, но подводник отрицательно махнул головой.

– Успеется, – безглаголиво хмыкнул он. – Сначала дело.

Через несколько минут на палубе началось оживление. Матросы сновали взад и вперед, как муравьи в развороченном юным натуралистом муравейнике. Одни муравьи надували резиновый штормбот, подсоединив резиновым шлангом его клапаны к баллонам со сжатым воздухом, другие и третьи, поминутно заглядывая вниз, истово молились.

Со стороны острова явственно доносился рев бурунов, разбиравшихся о последнюю, уже третью по счету гряду рифов. План Кузнецова состоял в том, чтобы перемахнуть через них на гребне подходящей волны.

Ознакомленный с этим планом Отто только равнодушно пожал плечами; ему было некогда, он размышлял, когда ему следует застрелиться: сразу же по высадке десанта или после завтрака. Петрухе план не показали, Задов же вполне одобрительно хмыкнул – так, для видимости. На самом деле ему было не до плана, он тоже был занят, суетливо затягивая свой вещмешок.

Что до Батыра, то эта импровизация Николая, предложенная на окончательное утверждение, ему не понравилась категорически, однако, обреченно кивнув, спорить он не стал. Честный перед собой бек смутно понимал, что в подобной ситуации плана, который его устроил бы, в природе просто нет и быть не может.

Надутый до звона футбольного мяча штормбот с экипировкой ошалевшие матросы спустили на воду под командованием Отто ловко, перевернув лишь дважды.

– Готовы? – спросил Кузнецов коллег на мостике.

В повисшей тишине молча кивнули все, кроме бека.

– Пошли!

Заминка возникла, когда пришлось палец за пальцем отрывать руки Батыра от лееров. Командир похода впал в полный ступор. Он ненавидел открытую воду и все водные и подводные виды транспорта – от плота до эсминца.

Все это Батыр громко и внятно сообщал сослуживцам по отряду и изумленному экипажу субмарины. Брыкающегося командира под руки пересадили в маленькую резиновую скорлупку. Лодчонка эта на фоне стальной громадины – умирающей гордости флота уже вымершего рейха – казалась совсем крошечной. Последней пуповиной, связывающей Батырбека с надеждой на жизнь, оставался тоненький пеньковый трос, постепенно стравливаемый матросами. Вцепившись в него руками, Батыр монументально сидел на дне лодки и ждал неминуемого скорого и единственно возможного окончания операции.

На корме у руля расположился Задов. По лицу его – вопреки всей сложности обстановки – блуждала довольная ехидная улыбка: одессит ситуацией наслаждался.

Он вел штормбот извилистым курсом, пытаясь удержаться от рифов на таком расстоянии, чтобы лодку не затянуло в водоворот. Страховочный фал в сведенных судорогой руках Батыра пока не давал подойти близко к грохотающим бурунам, но всякий раз, когда на очередной волне лодочка приближалась к рифам, у всех сидевших в ней замирало сердце.

В конце концов очередной гребень прихватил бот настолько основательно, что трос не выдержал. Наступил решающий момент высадки. Веревка лопнула, тренькнув напоследок

гитарной струной. На округлившись глазах Батыра Задов безмятежно бросил руль и дико захохотал – управление потеряло смысл. Однако, вопреки ожиданиям бека, лодку без малейших проблем течение перенесло через гряду камней и, степенно протаскивая по мелководью, вынесло на берег.

Факт остается фактом: остров Буян лежал у отважной четверки под ногами. Измотанные однополчане разом повалились на песок, только один Батыр с обрывком троса в руках сначала отбежал от кромки прибоя шагов на двадцать и лишь потом упал без сил.

Вечернее солнце палило немилосердно. Вернувшийся на берег Батыр носком сапога с опаской потрогал набегавшую волну, презрительно скривился, показал океану увесистый кукиш и противным командным голосом распорядился ставить палатки.

Палатки ставили долго, едва ли не до полной темноты, наталкиваясь друг на друга и попутно потоптав все продукты в вещмешках. Россыпи мелких далеких звезд света не давали, а луна то ли куда-то подевалась, то ли в данной реальности просто отсутствовала. Петрухе, которому доверили вбивать колышки, отдавали руки, Батыр, запутавшись в многочисленных шнурах, едва не удавился, а Задов переругался с Кузнецовым относительно расположения частей света – педантичный Николай требовал установить палатки входом на восток.

В конце концов, устроившись в спальнях мешках, голодные разведчики стали выяснять, следует ли выставить караул. Батыр, решивший проявить заботу о подчиненных, в порыве великодушия амбициозно заявил, что сигнал тревоги в случае опасности подаст его амулет – грязная заячья лапка.

Каким именно образом она это сделает, бек не уточнил, потому что тотчас забылся тревожным сном. В этом сне художник Айвазовский просил его часок попозировать натурщиком с голым торсом на капитанском мостике «Титаника», а грустный Малюта с увесистыми клещами в руках проникновенно шептал: «Соглашайся, неудобно ж, такой человек просит...»

* * *

– Батыр Бекович... Товарищ Батырбек, проснитесь... Ну проснитесь же.– Петруха нетерпеливо тряс Батыра за сапог верблюжьей кожи, выделанной в Коканде за год до его оккупации татаро-монголами.

– Отвали, салага,– недовольно буркнул Батыр, переворачиваясь на другой бок.– Когда человек спит, его даже змея не кусает.

– А это точно? – усомнился Петруха.

Оскорбленный сомнениями в своем степном опыте, Батырбек тяжело вздохнул и сел, зло глядя на новобранца.

Петруха смущенно потупился, потом собрался и прояснил ситуацию:

– Там у Левы тельняшка задралась, а на животе змея лежит.

– А что Лева? – зевнув, проявил интерес Батыр.

– Тоже лежит.

– Буди,– решительно распорядился бек, почесав в затылке.– Спасай товарища. Тут надо действовать решительно. Пока змея не уползла. То есть пока она не просекла, что позавтракать и в постели можно. И, кстати, стажер, сообрази там насчет пожрать.

Петруха понимающе кивнул и выполз из палатки. Минуту спустя над берегом разнесся хриплый вопль Задова. Батырбек откинул полог и вылез из палатки.

Стояло прекрасное солнечное утро. Легкий океанский бриз налетал на берег и, не встречая сопротивления, мчался к мрачным отвесным скалам, обступившим пляж. Перед скалами бриз стихал совершенно, редкая растительность у подножия даже не вздрагивала. У линии прибоя, прикрыв глаза ладонью, спиной к импровизированному лагерю стоял Кузнецов. По песку перед палатками, вопя и брызгая слюной, катался Лева. Возле него на корточках сидел перепуганный Петруха.

Батырбек неторопливо приблизился.

– Разбудил? – поинтересовался он, не обращая внимания на Левины крики.

– Так точно!

– Змею или Леву? – уточнил бек.

– Леву.

– Надо было змею, стажер, – с мягкой укоризной заметил Батыр. – Не усвоил приказ – переспроси. Я же по-русски тебе объяснял: спящего змея не укусит... Ладно, какая она из себя была – коротенькая серая или длинная в пятнышках?

– Коротенькая серая, – секунду колебавшись, выбрал Петруха наименьшее зло.

– Эфа, – хладнокровно констатировал бек. – Неси антидот ¹¹. Пара минут еще есть.

– Зато субмарины нет, – сообщил начальнику подошедший Кузнецов, протягивая Батырбеку подобранную на берегу черную фуражку Отто и кивая на Леву. – Чего это с Левою?

– Змея укусила, – равнодушно пояснил бек, отложил фуражку в сторону и, взяв у Петрухи шприц, начал вводить Задову порцию противоядия. – Потопли, стало быть, ребята. Зря я руны-то давеча резал. Только нож тупил. Вставай, Левчик, помоги Петьке завтрак приготовить.

Лева с ненавистью глянул на испуганного Петруху, который спрятал фуражку Отто в вещмешок, и, морщась, сел.

Завтракали они на скорую руку, поэтому уже через полтора часа бек довольно откинулся на прибрежный валун, незаметно вытирая жирные от плова пальцы о Левину тельняшку. Допив из термоса остатки кумыса, Батыр, не вставая с места, приступил к рекогносцировке.

Место высадки со всех сторон окружали отвесные скалы. Непрístupность их кому-то предстояло проверить опытным путем.

– Обер-лейтенант, вы в девятнадцатой горнострелковой бригаде «Эдельвейс», случаем, не служили? – официально-казенным тоном обратился Батыр к Кузнецову.

– Не имел чести, герр адмирал! Егеря не мой профиль, – также по уставу отчеканил Николай, незаметно скручивая с лацкана мундира досаафовский значок мастера-альпиниста.

Петруха с Левою деловито сворачивали палатки, старательно пряча взгляды от командира. Все – и даже Петька – уже поняли, куда дует ветер степной мысли военмора.

– Добровольцы, ко мне!

Отряд шарахнулся от Батыра как от прокаженного. Бек презрительно усмехнулся:

– Ну раз так, я сам пойду. Вперед и вверх. А там грудью встречу свирепого врага. И вырву ему очко.

– Что вырвете? – уточнил Задов, перешедший от ехидного любопытства на «вы».

– Очко, – пояснил бек. – Я на днях репортаж по связь-блюдцу с поля битвы слышал. Там мой Салават Юлаев в неравной борьбе вырвал очко у какого-то Спартака. По-моему, очень образно, и лично меня вдохновляет. Так что поднимаюсь на скалу, встречу и тотчас вырву!

¹¹ Здесь: противоядие.

– Ну-ну,– саркастически усмехнулся себе под нос Задов и пошел осматривать берег. Сам он болел исключительно за «Динамо».

Батыр реплики не расслышал или сделал вид, что не слышит. Вероятнее всего, его действительно охватил порыв кочевой отваги, подавивший чувство самосохранения. Петька услужливо подал Батыру стальную кошку с веревкой и отошел подальше.

Вопреки тайным надеждам команды, кошка зацепилась с первой же попытки. Петруха и Кузнецов, поплевав на ладони, подергали за веревку. Крючья сидели крепко. Батыр, глядя на них, тоже поплевал на ладони, громко сказал сам себе «вперед, герой» и с натугой пополз по скале вверх.

– Идиот,– вполголоса констатировал, обращаясь к коллегам, вернувшийся от скал Лева.– Там в кустах проход есть. Затем Задов голос слегка повысил: «Вандерфул! Эпохально лезет. Снежный барс, а не человек!»

Все хорошее кончается гораздо раньше, чем плохое, и на высоте пяти-шести метров лапы снежного барса не выдержали и медленно разжались.

Надо отдать должное, падал Батыр молча. Во время полета бек видел на небе удивительные облака.

Одно из них напоминало знакомого слепого аксакала из его аула. В далеком детстве они частенько подсыпали ему в зеленый чай козьи «орешки». «Гад я был»,– подумал бек, и облако ему ехидно улыбнулось. Другое облако – кривоногий и горбатый от рождения верблюда – тоже улыбалось, но криво. Последнее облако было вылитый Хохел Остапович, и оно уже не улыбалось, а откровенно скалилось.

Сочно приложившись к каменной плите, Батыр неподвижно застыл в позе заспиртованной лягушки. Остекленевшие глаза бека печально глядели в небо.

– Отмучился, болезный,– прошелестел Петька и незаметно перекрестился.

– Теряем товарищей. Причем лучших.– Задов склонился над скалолазом.– Как ты себя чувствуешь, Батыр? Не молчи, гад!

Батыр моргнул, потянулся и сел.

– Спасибо, цел. Камень смягчил падение.

– Компресс нужен,– посоветовал Задову из-за спины ледяной голос.

– Перебьется. Петруччо, у нас антидот остался? – ответил Лева, оборачиваясь. Кузнецов, массиравший беку затылок, тоже поднял глаза.

За спиной Левы стоял индеец – голый по пояс, в кожаных штанах, расшитых бисером, и в мокалинах. В волосах краснокожего торчало длинное страусиное перо. Лицо и плечи покрывала затейливая татуировка, напоминающая чертежи из учебника геометрии. На правом предплечье сквозь загар проступало доказательство теоремы Пифагора. Похоже, местные аборигены тянулись к знаниям на свой своеобразный манер. На поясе индейца висела связка повинуемых лысых скальпов, а у его ног лежал обмотанный кожаным лассо Петруха, с кляпом во рту и отчаянием в глазах.

Батыр еще собирался с силами отползти в сторону к кустам, Кузнецов мысленно нащупывал застежку кобуры, а Задов уже действовал. Широко расставив руки, он воскликнул: «О, отец мой, великий и могучий Маниту!» – и, упав индейцу в ноги, с силой дернул его за щиколотки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.